

Третья террористическая

Автор:

[Андрей Ильин](#)

Третья террористическая

Андрей Александрович Ильин

Пять `чеченов` составили один диверсионный отряд. Все они неоднократно проверены в бою, и поэтому именно их выбрали для этого задания. Чеченский народ доверил им важную миссию, на которую он возлагает большие надежды. Они должны захватить несколько десятков российских заложников. Этот теракт может поставить точку в бесконечной войне. При любом раскладе они станут национальными героями. Только никто еще не знает, что один из террористов – секретный агент ГРУ.

Андрей Ильин

Третья террористическая

Глава 1

На дороге стоял человек, с волшебной палочкой. Почти как из сказки. Правда, эта палочка была неказистой и была полосатой. Но, как и палочка из сказки, выполняла почти все желания владельца. Вернее, она выполняла одно желание – иметь деньги, а деньги выполняли все остальные желания. Стоящий на дороге человек был почти волшебником, потому что, если он взмахивал волшебной палочкой, движение замирало и многотонные грузовики, легковушки,

навороченные «Мерседесы» и джипы мгновенно глохли и останавливались. У человека с палочкой было длинное, как у восточных джиннов, имя: инспектор?дорожно?патрульной?службы?капитан?Сыч. Он был таким же неказистым на вид, как его палочка, но таким же могущественным, как она. Сегодня волшебник по имени инспектор?дорожно?патрульной?службы?капитан?Сыч был злым волшебником. Вернее, очень злым! Потому что с утра поругался с женой, был не жрамши и только что узнал, что за поездку его дочери в Англию, на языковые курсы, нужно доплатить двести баксов. Причем немедленно.

Дочь у него была молодая несимпатичная тринадцатилетняя дура, которую он, тем не менее, сильно любил. Потому что больше было некого – жену он давно уже терпеть не мог, а родителей схоронил. Одинок был волшебник по имени инспектор?ДПС?капитан?Сыч, как снимающий все ограничения знак на дороге. Никого у него не было, кроме дочери. И ничего, кроме полосатой волшебной палочки, с помощью которой он творил для нее чудеса. Вот и сейчас нужно было сотворить очередное, которое она от него ждала, чудо...

Инспектор увидел машину и взмахнул волшебной палочкой.

Машина остановилась. Как вкопанная. Палочка работала, палочка своей волшебной силы не утратила!

– Инспектор?дорожно?патрульной?службы?капи?тан?Сыч, – предупредил волшебник водителя о том кто он такой есть и какие чудеса способен творить.

И произнес заклинание, потому что любой ребенок знает, что одной только волшебной палочки для волшебства мало, нужно еще знать специальные волшебные слова.

– Ваши?документы?пожалуйста!..

Водитель протянул ему документы на машину и права.

– А техосмотр?

Техосмотр был.

– Медицинскую справку!

И медицинская справка нашлась.

– Временное разрешение!

Тоже есть! А в аптечке были все лекарства.

Как-то сегодня с волшебством не заладилось...

Или, может быть, этот водитель заговоренный?

Отпустить его, что ли?..

Но волшебник инспектор?ДПС?капитан?Сыч любил свою дочь. Причем гораздо больше, чем незнакомых водителей. И он пробормотал еще одно, более мощное, чем первое, заклинание, которое способно было разрушить любые чары и заговоры:

– Вы?знак?вон?там?видели?..

И снова взмахнул палочкой. Показывая назад.

Такому заклятью никакие заговоры и обереги были не страшны, и сторублевая купюра самым волшебным образом из кошелька водителя перелетела в карман волшебника по имени инспектор?ДПС?капитан?Сыч.

«Итого... – подумал он... – Все равно мало». А времени осталось всего ничего, и если он недоколдует, то его дочь не полетит в Англию и будет плакать, чего он, как любящий отец, перенести не мог!

Требовалось маленькое чудо.

И оно случилось.

Далеко на дороге показалась красная «десятка» с самым счастливым, какой только может быть, номером. С южным номером!

Волшебник по имени инспектор?ДПС?капитан?Сыч взмахнул волшебной палочкой. На этот раз волшебная палочка должна была сработать в полную силу. В машине были участники движения кавказской национальности.

– Ваши документы...

Документы были. И были в порядке. Но его не интересовали документы, его интересовали совсем другие бумаги.

– Медицинская справка... Временное разрешение...

– Конечно, командир!

Заклинания не срабатывали. Видно, у тех восточных людей был какой-то знакомый и очень влиятельный джинн.

Но у волшебника инспектора?ДПС?капитана?Сыча тоже было в запасе одно, специально против восточных джинов, заклинание. Звучало оно так:

– Что?у?вас?в?багажнике...

Кавказцы переглянулись.

– Все нормально, командир! Дыня там, урюк... На базар едем, спешим очень! Отпусти, да?

– Откройте?багажник?покажите, – договорил заклинание волшебник по имени инспектор?ДПС?капитан?Сыч, отчаянно махая волшебной палочкой в сторону багажника.

Кавказцы переглянулись еще раз. Инспектор понял, что они не хотят открывать багажник, что там, видно, что-то есть! Что-то, что они не хотят показывать!

– Слушай, зачем выходить, там грязь, холод. Давай ты нам поверишь, да и мы поедем?

И взмахнули в воздухе волшебной бумажкой с портретом президента США. Против которой любая волшебная палочка пасовала.

Теперь стало ясно, что в багажнике не «что?то», что они показывать не хотят, а то, «что они ни в коем случае показывать не хотят»! Или наркотики, или оружие! Иначе бы они махали менее волшебной бумажкой.

Надо бы посмотреть!..

Но волшебник по имени инспектор?ДПС?капитан?Сыч вдруг перестал быть злым волшебником и стал очень добрым волшебником.

«Черт с ними!» – подумал он. Может, и оружие, только это их дело – не его дело. Его – дорога! Права у них есть, правил они не нарушали, а остальное его не касается. Им тоже надо своих детей кормить. А ему – своих! У него, если он в багажник сунется, может дочь пострадать. Которая не полетит в Англию.

И взял добытую с помощью волшебной палочки волшебную бумажку, которая была наделена таким сильным волшебством, что запросто могла перенести его дочь отсюда в далекую страну Англию чартерным рейсом компании Аэрофлот.

На чем они и разошлись.

Только сказка на этом не кончилась. Сказка только началась...

Волшебник по имени инспектор?ДПС?капитан?Сыч сдал дежурство, успел оплатить путевку и обрадовать любимую дочь. Которая бросилась ему на шею целоваться и обниматься. И если бы участники дорожного движения в этот момент увидели того, кого считали злым волшебником, они бы сильно удивились счастливому выражению его лица. И нежности, с которой он гладил по головке свою дочь. Потому что даже самые злые волшебники бывают очень добрыми, когда не колдуют...

А отпущенные лица кавказской национальности, которые тоже имели детей, которых им надо было кормить, поехали дальше, легко отмахиваясь оберегами в виде купюр с портретами чужих президентов от полосатых волшебных палочек.

- Э... я же говорил, никто не будет нас проверять! Они «бабки» любят!..

«Десятка» въехала в город и растворилась, в массе других машин. А к вечеру вынырнула на рынке. Который «держали» кавказцы:

- Привез, да?

- Конечно, привез! Обижаешь! Все - там, в багажнике.

В багажнике были не «дыни и урюк», а были какие-то свертки.

- Сколько привез?

- Три штуки.

Предметы вытащили и перенесли в хранилище, где были свалены горы фруктов и овощей.

- Вон туда.

В одной из гор была вырыта глубокая пещерка, куда сунули свертки, завалив их сверху яблоками.

- Менты сюда не сунутся? - поинтересовался приезжий.

- Какие менты?! Обижаешь! Овощ?фрукт все любят кушать!

Приезжий проверил, хорошо ли засыпали свертки. Вроде хорошо - качественно.

- Придет человек, скажет, что он Сурен, и скажет, что от меня, отдашь ему все, - сказал он.

И вытащил из кармана «волшебные доллары», которые имели волшебное хождение не только среди инспекторов ДПС.

- Конечно, дарагой! Все сделаем, дарагой!..

Человек пришел на следующий день.

- Я Сурен.

- Ждем тебя. Давно ждем...

- Где они?

- Не беспокойся, сейчас принесут!

Свертки принесли и погрузили в багажник машины, завалив сверху мешками с картошкой. Вряд ли кто-нибудь станет надрываться их ворочать, чтобы посмотреть, что находится под ними.

- Что?то еще надо, дарагой?

- Нет, все...

Сурен сел в машину, выехал за город, свернул на неприметную грунтовку и, проехав пять километров, остановился. Открыл багажник и выбросил из него картошку. Всю. Прямо на дорогу. После чего проехал еще с километр мимо каких-то предупреждающих знаков.

Выехав на большую поляну, он встал окончательно.

И достал из багажника свертки.

Которые, отнеся на руках на несколько десятков метров, аккуратно положил в заранее вырытую яму, присыпал землей и забросал случайным мусором. Недалеко от этого места он обломил на кусте несколько веток.

После чего сел и уехал.

Свертки лежали в земле недолго. День. Ночью на поляну вышли три человека в темно-серой, почти неразличимой в темноте одежде. Они были как тени. Они шли друг за другом, очень уверенно, потому что не один раз проходили здесь днем. Один остановился в начале поляны, два других пересекли ее, нащупали сломанные ветки, отсчитали шаги, бесшумно растащили в стороны мусор и стали копать.

Земля была рыхлая, и яма вскрылась быстро.

Они вытащили свертки и распаковали их.

В свертках были какие-то длинные трубы. Но, кажется, они знали, какие и как ими пользоваться. Потому что очень уверенно обращались с ними.

Потом они посмотрели на часы. В запасе было пять минут.

Эти пять минут они не курили и не переговаривались. Они сидели на корточках в темноте и тишине, прислушиваясь к шумам леса. Секундная фосфоресцирующая стрелка бежала по циферблату круг за кругом...

Где-то далеко, прорываясь сквозь шелест листвы деревьев, прогудел идущий на посадку самолет. Здесь, рядом, в нескольких километрах, был аэропорт. Но он им в их задумке помешать не мог. Охрана аэропорта была там, за забором, огораживающим территорию. А здесь были только они.

Где-то снова загудел самолет. Очередной «борт» заходил на посадку или, наоборот, разогнавшись, отрывался от взлетно-посадочной полосы.

Рев нарастал, и скоро мимо них пролетел авиалайнер, часто и близко мигая во тьме ночи сигнальными огнями.

Тени встали и вскинули на плечи «трубы».

Одновременно, с разрывом в одну секунду, в небо ушли выброшенные из «труб» огненные шары. Ослепительные языки пламени вырвались с другой стороны

«труб», облизнув траву.

Две неяркие точки быстро набрали высоту и догнали самолет, пристроившись к нему сзади. Еще через мгновение они ударили в двигатели, и раздались два, слившихся в один, взрыва...

Разом надрывно и страшно взвыли в пилотской кабине зуммеры тревоги. Пилоты побелевшими пальцами вцепились в штурвалы. Но сделать ничего было нельзя – слишком тяжел был заправленный под самую завязку самолет, чтобы выровнять его, чтобы вытянуть на уцелевшем двигателе и вернуться на аэродром. Самолет, теряя управление, сваливался на крыло.

Там, сзади, в салоне, в унисон вою тревожной сигнализации поднялся и стал набирать силу истошный, смертный крик людей. Пока еще живых.

Они поняли всё, потому что услышали, как сильно трянуло самолет, почувствовали, как он вдруг замер, словно остановившись в воздухе, и как, остановившись, клюнул носом к земле.

Они успели всё понять, и поэтому их смерть была ужасна.

Самолет сваливался вначале по плавной дуге, а потом, как камень, пошел к земле в последнем своем пике. Он врезался в лес, ломая и круша деревья, ломаясь и разваливаясь на куски сам. Спасти в этом кромешном аду было невозможно – обломки фюзеляжа рубили и рвали пассажиров в куски, кресла срывались с мест, врубаясь в другие кресла, от невероятной силы удара у людей переламывались шейные позвонки, отрывались, летели куда-то вперед, отдельно от них, головы...

Криков уже не было слышно, все слилось в один страшный гул, поглотивший отдельные хлопки, скрежет, вопли... Вдруг на мгновение наступила оглушительная, жуткая тишина. Но хлынувшее из разорванных баков горючее мгновенно залило обломки самолета, землю и тела людей, и раздался мощный, поглотивший всё и вся взрыв!..

Инспектору Сычу позвонили на работу. Позвонил человек, голоса которого он не знал.

– Сыч Анна Степановна ваша дочь?

– Да, – ответил он, еще не понимая, кто звонит и что ему нужно. – А в чем дело?

– Вы бы не могли приехать в аэропорт?

– Зачем?.. – тихо спросил он, чувствуя, как у него от страшного предчувствия замерло, как остановилось сердце.

Он увидел в дежурке работающий телевизор, увидел, как немо шевелит губами диктор. И, протянув враз отяжелевшую руку, добавил громкость...

– ...чартерный рейс в Англию... – сказал диктор.

На экране дали картинку какого-то далекого зари.

– ...Сказать что-либо определенное сейчас невозможно, но нельзя исключить ни одну из причин, в том числе террористический акт, потому что свидетели видели, как они утверждают, два предшествующих падению самолета взрыва...

– Они... ее!.. – прошептал инспектор, теряя над собой контроль. – Если они ее!.. Падлы! Я их собственными руками! Всех!..

Он ненавидел, он готов был ногтями, зубами рвать людей, убивших его дочь! Его единственную дочь! Но только он не знал, кого рвать и где их искать.

– Как же они могли так...?!..

Вместо тела дочери им выдали запаянный цинковый гроб. Без окошка. Потому что смотреть было не на что. В гробу лежал «мусор», собранный на месте катастрофы, – обломки самолета, перемешанные с землей, щепой деревьев и обгоревшими фрагментами человеческих тел. Вполне вероятно, что чужими фрагментами.

На похоронах единственной дочери отец тихо выл, бесконечно и монотонно повторяя одну и ту же фразу:

– Как же они могли? Как им позволили?! Кто?!

Глава 2

Человек боится смерти. Что странно, потому что он все равно ее не минует. Ни один. И никогда. Каждый прожитый день приближает нас к могиле медленно, но верно, каждый новый день рождения, который мы так радостно празднуем, на самом деле является еще одной преодоленной нами ступенькой – «туда».

Человек боится смерти, но боится по-разному. Смерть во сне называют «хорошей». Смерть в подворотне от ножа бандита – «плохой».

Хотя и в том, и в другом случае итог один. Но вот почему?то в постели нам помирать комфортней.

«Хорошие» смерти никого не интересуют, если только не умер любимый страной артист. Всем интересны «плохие» смерти. Уж так устроен человек, что все, что связано со смертью, особенно насильственной, вызывает нездоровый интерес. Смерть даже превосходит по степени популярности еще одну вечную тему – тему любви. Но случится в твоей жизни большая любовь или нет – еще не известно, а вот смерть будет точно. И поэтому люди всматриваются в лица покойников, чтобы понять: как это будет у них?..

У этого трупа лица не было, потому что у этого трупа не было головы. Совсем. Возле безголового трупа, и переступая через труп, лениво ходили с фотоаппаратами и рулетками какие-то люди и обсуждали счет последнего хоккейного матча и цены на колбасу. И даже смеялись.

– Наверняка это «черные». Их почерк. Их хлебом не корми – дай кому-нибудь голову отрезать, – переговаривались милиционеры.

– Так он вроде и сам не белый.

– Ну, значит, им «своя» голова понадобилась.

Дикий народ!..

Милиционеры в труп не всматривались, он их не интересовал, потому что этого добра они насмотрелись на всю оставшуюся жизнь... Трупы были их повседневной работой, такой же, как для учителя – школьники.

– Ты ему пальчики «откатал»?

– "Откатал". Можете убирать...

Труп положили на носилки и понесли к выходу. За дверью на скорбную процессию набросились, как голодные собаки на кость, сгущавшие на лестничной площадке журналисты. Они вертелись возле носилок, норовя заглянуть под простынку, которой было прикрыто тело. Но и так было видно, что у трупа нет головы, потому что в том месте, где она должна была быть, была пустота.

В городе давно, уже дня два, не было громких убийств, так что приходилось довольствоваться тем, что есть. Был только этот – «безголовый».

– Кто его убил?.. Кто он?.. – быстро спрашивали журналисты, тыкая в лица милиционеров микрофоны. – Что нам написать?..

– Напишите, что это несчастный случай, что человек потерял голову от любви, – мрачно пошутили милиционеры, проталкиваясь через журналистов.

И ушли.

Журналисты тоже разошлись. Здесь «ловить» было больше нечего.

В редакциях журналисты стали «высасывать» из безголового трупа строки. Как те вампиры. Они тоже склонялись к версии, что это внутренние разборки «черных», не поделивших партию мандаринов. Но кому бы это было интересно, поэтому они сочиняли страшные сказки про объявившегося в городе маньяка?одиночку, отрезающего живым людям головы, пугая слабонервного читателя.

Такая у них работа... Раньше – живописать битву за урожай, рассказывая о пошедших на рассвете в атаку по ржаному полю комбайнах. Теперь – об «озимых» трупах, мрачно шутя меж собой, что нынче худшие трупы стали лучшими новостями.

Спрос рождает предложение.

Предложение – определяет спрос...

Жаль, конечно, что тот безголовый был просто «черным», а не местным олигархом или, еще лучше, мэром или вице-губернатором. Впрочем, те и так безголовые, хоть и с головами...

Журналисты позубоскалили и разошлись по домам.

Завтрашний день должен принести новые трупы.

И послезавтрашний...

Глава 3

Почему?то все считают, что «черный ящик» – это такой небольшой прямоугольный ящик, покрашенный в черный цвет. И называют его так потому, что «ящик» по форме и сути напоминает гроб, а черный цвет – цвет траура.

Ничего подобного. И вовсе это не ящик, а шар, и покрашен он не в черный цвет, а в оранжевый. «Ящик» в форме шара лучше противостоит динамическим перегрузкам и ударам, а цвет – так он универсальный: все спассредства на воздушном и океанских флотах обычно оранжевые, чтобы яркой расцветкой бросаться в глаза.

Именно такой не черный и не ящик лежал на столе. Уже распотрошенный. Здесь же была копия акта его вскрытия, в которой расписались все должностные лица,

кому это было положено сделать. Оболочка сильно обгорела и была помята, но внутренности в основном уцелели, потому что «ящик» был способен выдерживать запредельные температурные режимы.

На «пленке» звучали голоса уже мертвых людей, которые произносили обычные в таких случаях фразы про шасси, углы, закрылки, скорость, высоту... Но потом привычная речь оборвалась, и двадцать семь секунд экипаж говорил «нештатным языком».

- Удар... кажется, левый двигатель... Отчаянный трезвон аварийной сигнализации, который звучал уже непрерывно, фоном, все двадцать семь секунд, до самого конца.

- Отказ двигателя...

- Высота восемьсот!..

- Штурвал!..

- Тянем!..

- Пятьсот пятьдесят!..

- Держи! Держи!..

- Падаем, Сережа!.. Падаем, твою мать!..

Какие-то невнятные, отчаянные крики, мат и... Тишина!

Всё!..

В этот момент они жить перестали. Они и пассажиры.

Другая запись, которая фиксировала показания приборов, была бесстрашна, потому что приборы не имели нервов и не могли перед своей гибелью кричать: «Держи, Сережа!..» - и крыть по матери. Они в рабочем режиме писали высоты,

крены, температуры, расход топлива и еще с десятков параметров до самого последнего мгновенья. До момента, пока датчики не расплющились и не сгорели. Но показания приборов были даже более информативны, чем крики экипажа, потому что давали объективную картину.

Отказ левого двигателя...

Массированное возгорание...

Сработка автоматических средств пожаротушения...

Потеря скорости...

Высоты...

Да, сходится. С тем, что говорит экипаж, сходится. Такое впечатление, что кто-то шарахнул в хвост аэробуса ракетой класса «земля – воздух». Но только кто мог шарахнуть? Почти в центре России? Может, все-таки это что-то другое?..

В дверь постучали, и тут же в лабораторию вошли какие-то люди в одинакового покроя пиджаках. Они прошли сразу к столу и обступили его со всех сторон.

– Кто вы такие? – возмутился завлаб наглости непрошенных гостей.

Один из вошедших достал из кармана и развернул красную книжечку, где была его фотография в том же самом сером пиджаке, в котором он был сейчас.

– Федеральная служба безопасности, – представился он, даже не назвав свое имя. – Мы вынуждены забрать у вас вот это, – кивнул он на разложенные на столе внутренности «черного ящика».

– Как забрать? – не понял завлаб.

– Так и забрать. Физически. И визитеры поставили на стол и, вжикнув молнией, раскрыли большую спортивную сумку.

– Но это невозможно!.. – начал было объяснять им завлаб. – Выносить отсюда что?либо категорически...

– Ваше начальство в курсе, – уверили его фээсбэшники, оттирая могучими плечами от стола.

Начальство действительно было в курсе. Начальство стояло в дверях, растерянно наблюдая за происходящим.

«Черный ящик» аккуратно положили в сумку.

И туда же положили ноутбук, на который была сброшена информация с «черного ящика». Это уже вообще ни в какие ворота не лезло!

– Но позвольте!.. – вспыхнул завлаб.

– Это тоже согласовано, – сказал фээсбэшник, руководивший операцией. – Вы очень помогли нам. Спасибо.

И направился к двери.

– Но как же так? Я должен подготовить заключение!.. – запоздало всполошился завлаб.

– Подготовите. Завтра. Завтра мы вам все вернем, – заверили его.

– Нет, так я не согласен. Без расписки не согласен! «Ящик» находится на моем ответственном хранении, и я не могу его отдать просто так!

Руководитель операции вытащил из кейса стандартный лист бумаги и написал расписку, где не было указано, какая организация и для чего изымает «черный ящик», а было просто написано, что некто Ларин В.П. взял на время прибор – одна штука, инвентарный номер... и компьютер «ноутбук» – одна штука. Число и роспись...

И гости быстро, даже быстрее, чем явились, ушли.

Завлаб вопросительно посмотрел на замершее возле двери начальство. Но его вышестоящий начальник только многозначительно пожал плечами. Мол, что я могу поделаться – это же ФСБ, с ними не поспоришь!..

«Черный ящик», как обещали, вернули на следующий день. В целости и сохранности.

И попросили вернуть расписку...

Запись была та же самая.

«Отказ двигателя... Падаем, Сережа!.. Падаем, твою мать!..»

Но куда?то подевалась фраза:

«Удар... кажется, левый двигатель...»

И исчезли показания некоторых приборов. В тех местах, где была запись этой, насчет удара, фразы и показания приборов, «носитель» был поврежден. Возможно, во время аварии.

Доказать что?либо было невозможно, потому что внутренности «ящика» действительно кое?где пострадали, но пострадали в других местах, что завлаб точно помнил. Или, может, он ошибся, может, этих слов не было?

Подтвердить свои подозрения он не мог, потому что никаких следов записи ни в «ящике», ни на ноутбуке не осталось. И нигде – не осталось. Разве только в авиадиспетчерской?.. У него был приятель в авиадиспетчерской службе аэропорта, который вел «борт» в последнем его полете. И завлаб, порывшись в служебном справочнике, нашел нужный ему телефонный номер. Ага, вот он...

С минуту он трепался со старым, еще с тех времен, приятелем о семье, погоде и продвижении по службе. А потом спросил:

– У тебя там нет поблизости записи переговоров с упавшим «бортом»?

– Ну ты же знаешь наши порядки, – ответил приятель, намекая на установленный порядок получения служебных записей и документации с грифом ДСП.

Порядки он знал. В этих порядках царил такой беспорядок!..

– Ладно, не надо записи. Просто скажи, ими никто не интересовался, кроме меня? – аккуратно спросил завлаб.

Но куда?то подевалась фраза:

«Удар... кажется, левый двигатель...» И исчезли показания некоторых приборов. В тех местах, где была запись этой, насчет удара, фразы и показания приборов, «носитель» был поврежден. Возможно, во время аварии.

Доказать что?либо было невозможно, потому что внутренности «ящика» действительно кое?где пострадали, но пострадали в других местах, что завлаб точно помнил. Или, может, он ошибся, может, этих слов не было?

Подтвердить свои подозрения он не мог, потому что никаких следов записи ни в «ящике», ни на ноутбуке не осталось. И нигде – не осталось. Разве только в авиадиспетчерской?.. У него был приятель в авиадиспетчерской службе аэропорта, который вел «борт» в последнем его полете. И завлаб, порывшись в служебном справочнике, нашел нужный ему телефонный номер. Ага, вот он...

С минуту он трепался со старым, еще с тех времен, приятелем о семье, погоде и продвижении по службе. А потом спросил:

– У тебя там нет поблизости записи переговоров с упавшим «бортом»?

– Ну ты же знаешь наши порядки, – ответил приятель, намекая на установленный порядок получения служебных записей и документации с грифом ДСП.

Порядки он знал. В этих порядках царил такой беспорядок!..

– Ладно, не надо записи. Просто скажи, ими никто не интересовался, кроме меня? – аккуратно спросил завлаб.

Но приятель его понял.

– Ну как же, приходили ребята «оттуда»... – сделал он многозначительную паузу. – Брала пленку послушать...

– Можешь не продолжать... – оборвал завлаб своего приятеля. Дальше ему и так все было понятно.

Скорее всего, он ошибся. Скорее всего, никакой фразы не было, потому что это место было невосстановимо повреждено. За ту фразу он, по всей видимости, принял шумовые помехи. И авиадиспетчера – тоже...

Заключение он написал, исходя из имеющихся в его распоряжении материалов. Никакие ракеты, попавшие в самолет, в нем не фигурировали, а излагалось несколько наиболее вероятных причин авиакатастрофы, в том числе попадание в двигатель самолета крупной птицы, шаровой молнии или сильного разряда статического электричества.

В официальном заключении были проставлены все печати и росписи всех, кому это было положено сделать, должностных лиц...

Глава 4

Солдаты пришли под утро. Солдаты всегда приходят под утро.

Вначале непроницаемую тьму южной ночи прорезал свет фар далеких, ползущих по разбитой дороге машин. Стекла окон тревожно взблеснули и тут же потухли.

Машины могли проехать мимо поселка. Но не проехали, свернули...

В крайних дворах проснулись собаки. Тявкнули раз, два, загремели цепями и залились отчаянным хриплым лаем.

Машины пересекли поселок и остановились возле одного из домов. Могли остановиться возле другого, хотелось надеяться, что остановятся возле другого, но остановились возле этого...

Спустя мгновение в ворота постучали. Прикладами автоматов. Так могли стучать только чужие...

Проснувшиеся женщины, запахиваясь в халаты, прильнули к окнам. Но видно ничего не было.

- Эй, открывайте, а то мы ворота высадим!

Это была не пустая угроза, если долго не открывать, солдаты запросто могли, развернув свой «Урал» и дав газу, долбануть бампером в ворота, сорвав их с петель.

Нужно было открывать, и побыстрее. Но женщины никаких самостоятельных решений принимать не могли, потому что в доме были мужчины. Одному из которых было четырнадцать, другому шестнадцать лет. Но все равно они здесь были главными. Мать напряженно ожидала, что скажет ее старший сын, который был здесь, в доме, хозяином.

Стук не прекращался, собаки исходили лаем.

- Пойдите откройте, - сказал главный в доме мужчина.

Ворота открыли. Во двор вошли солдаты с автоматами и в шапочках с прорезями для глаз, натянутых по самые подбородки.

Солдаты не хотели, чтобы их лица увидели и запомнили. Люди, с которыми они имели дело, обид не прощают и не забывают. И мстят! А если все будут в масках, то как узнать, кому мстить?

– Уберите собак! – приказали солдаты. Собаки рвались с цепей, норовя укусить непрошенных гостей.

– Где твой сын? – спросили люди в масках мать.

Они приехали за ним.

Мать молчала.

Сына нашли сразу, он не прятался и не пытался бежать. Поздно было бежать, раньше надо было об этом думать!

Солдаты рассыпались по двору и по дому, обшаривая каждый угол. Командир, который, как все, был в камуфляже без погон и опознавательных знаков, в бронежилете, ждал, развалясь на стуле.

Арестант стоял рядом.

Женщины жались к стенам, испуганно прикрывая лица платками. Никто ничего не говорил, и так все было ясно!

Из подвала, где хранились запасы, выбрался солдат.

– Вот, нашел! – показал он какой-то длинный, обмотанный бечевкой, сверток.

Бечевку срезали штык-ножом и развернули тряпку. В свертке был автомат Калашникова, несколько рожков к нему и несколько гранат «Ф-1».

Командир взял автомат в руки.

– Новье, муха не сидела! А мы дерьмом воюем, – тихо заметил он.

Развернул автомат дулом к себе и потянул носом воздух. Из ствола пахло гарью.

– Что ж ты оружие не чистишь? – недобро усмехнулся командир. – Оружие надо в чистоте содержать!

Парень молчал, злобно глядя на солдат. Он даже не говорил, что этот автомат нашел.

- Ну?ка, посмотрите его...

Солдаты подошли к хозяину дома и рванули с него рубаху. Кто-то поднес поближе керосиновую лампу и, подкрутив фитиль, добавил огня.

- Сюда, сюда свети.

Лампу поднесли к самому плечу. К правому плечу.

- Ага, вот, видишь... - ткнул кто-то пальцем. На плече можно было различить неясные, уже почти ушедшие, синяки. Все было ясно.

- Собирайся, - приказал командир.

Парня подтолкнули к двери.

Но путь солдатам преградила мать.

- Не отдам! - отчаянно выкрикнула она, хватаясь за сына. - Вам мало, что вы убили его отца и брата? Теперь вы хотите забрать его?..

Она плакала и цеплялась за сына, словно могла его удержать.

- Уберите ее, - приказал командир.

Женщину оттащили, а ее сына вытолкали на крыльцо и повели к машине.

Собаки все так же отчаянно лаяли и бросались на солдат. И уже все собаки в округе заливались лаем и гремели цепями, вторя им. И вряд ли уже кто-нибудь спал.

– Давай, пошел!.. – поторапливали солдаты пленника, потому что спешили поскорее отсюда убраться. Во дворе им показалось, что пленник идет недостаточно быстро, и шедший сзади солдат пнул его, погоняя, под зад носком ботинка.

Пленник извернулся и ударил его головой в лицо. Солдат охнул и присел, схватившись руками за разбитый нос. К взбунтовавшемуся пленнику подскочили со всех сторон, уронили и стали пинать и колотить прикладами по плечам и голове.

Истошно закричали мать и сестры. И откуда?то сверху, с крыльца, на солдат свирепым волчонком бросился младший брат. В руках его сверкнул нож.

– Ах ты, щенок!

Мальчишку повалили, вырвали у него нож и тоже стали пинать. По?взрослому. Без скидок. Избиение продолжалось несколько минут.

– Всё... Отставить, я сказал! – крикнул командир.

Солдаты нехотя отошли от поверженных, окровавленных тел.

– Замочить их, сук! – в горячке предложил кто?то.

Пленника подхватили под руки и волоком потащили к машине. Где, раскачав, бросили в кузов. Как мешок картошки. Командир забрался туда же, потому что в кабинах здесь ездить было небезопасно.

Машины с трудом развернулись на узкой улочке, повалив какой?то забор и с хрустом смяв какие?то кусты.

– Поехали!..

В темноте возле дома остались стоять, наблюдая за мечущимся далеко впереди, удаляющимся светом фар, родственники увезенного солдатами пленника. Женщины тихо плакали.

Хозяин дома, главный теперь в семье мужчина – их младший и последний сын и брат Мурад, – не плакал. Он стоял в темноте один, в стороне от женщин и смотрел на ползущие по дороге машины, увозящие его брата, сцепив зубы и сжав кулаки.

– Трусливые шакалы! – с ненавистью сказал он. – Я отомщу им!..

«Урал» медленно тянулся по разбитой дороге, объезжая ямы и воронки. В кузове, на деревянных скамьях, зажав между колен автоматы, сидели солдаты. Среди которых был их командир.

Никто не разговаривал, все были сосредоточены и погружены в себя. Или просто мрачны... Вчера вечером их подразделение понесло потери в личном составе...

Сейчас убитые «мерзли» в фургоне «КамАЗа»?рефрижератора, заменявшего морг. А в столе командира лежали их документы. В документы были вложены цветные семейные фотографии, где они были живыми и счастливыми, в окружении жен и детей. Были...

Их расстреляли в машине, когда они догоняли колонну с гуманитарным грузом, которую сопровождали и от которой отстали, меняя на дороге проколотое колесо. Их расстреляли из придорожных кустов и изрезали мертвые тела штык?ножами. Одному отрезали голову, которую не нашли, так что теперь даже было непонятно, как его отправлять близким...

Погибшие везли гуманитарную помощь в деревню, из которой только что выехали «Уралы»...

Глава 5

– Вы поймите, ее нет, ее уже восемь часов нет! – горячился, налезая грудью на стол, посетитель. Рядом с ним, зарывшись лицом в платок, хлюпала носом его жена.

– Может, она к подругам зашла? – предположил, сам себе не веря, милиционер, скучно глядя в окно. – Может, она скоро домой вернется, а вы – здесь.

Разговор был бессмысленный, бестолковый и тягомотный для обеих сторон.

– У каких подруг?! – горячился отец пропавшей дочери. – Я знаю всех ее подруг! Я всех уже обзвонил!

– Значит, у друга.

– Да вы что – она не такая! Ей всего двенадцать лет!

Милиционер только криво усмехнулся. Они каждый день слышат про «не таких», которые на поверку оказываются еще какими! Просто – прости господи!.. Родители обычно узнают правду про своих чад последними, и то не всю.

– Вы поймите, есть установленные законом сроки, до истечения которых мы не можем объявлять официальный розыск, – растолковывал милиционер прописные истины. – Вот если бы нашелся ее труп, тогда совсем другое дело...

Родители одновременно вздрогнули.

– Что же нам делать?

– Ничего. Ждать, когда она вернется. И, когда вернется, всыпать ей по первое число, – посоветовал милиционер...

Но девочка не вернулась.

Девочка была далеко, уже за триста с лишним километров от своего дома. Она лежала в багажнике автомобиля, там, где должно было находиться запасное колесо. Она была очень маленькой и худенькой, а колесо большим, поэтому девочка смогла уместиться в выдавленном в днище автомобиля углублении, подтянув коленки к самому подбородку и свернувшись калачиком. Ее прикрыли сверху куском фанеры и ковриком, на который накидали какой-то хлам.

Она лежала в темноте, под наваленными сверху вещами и тихо плакала. Тихо, потому что лицо ее было обмотано вкруговую скотчем и потому что она боялась. Ей сказали, что, если она только пикнет, – ее убьют.

Машина легко проскакивала посты ГАИ. Пару раз кто-то заглядывал в багажник, заваленный вещами, но девочка затихала, боясь даже дышать. Ей бы пошевелиться, замычать, но она молчала. Багажник захлопывался, и машина ехала дальше.

Все и дальше и дальше...

– Я буду жаловаться! – пригрозил разбушевавшийся папаша.

– Давай, давай иди! – ответил ему милиционер. – Лучше бы за дочерью своей следил, папаша!..

Когда девочку вытащили из багажника, вся правая половина тела, на которой она лежала, была в синяках и царапинах.

– Иди, – подтолкнули ее в спину.

Девочка пошла, испуганно озираясь на обступивших машину незнакомых людей. Ее провели через дом и спустили по железной, сваренной из арматуры лестнице в подвал. В подвале было жарко, потому что не было окон. Вдоль одной из стен были сколочены нары, в углу стояло ведро, из которого дурно пахло. На нарах сидел худой, заросший мужчина, который смотрел на девочку.

– Сколько тебе лет? – спросил он.

– Двенадцать, – ответила она.

– Суки! – тихо выругался мужчина. Правая рука мужчины была перемотана грязной, с наплывами запекшейся крови тряпкой. Там, где должен был быть указательный палец, была пустота.

– Это они? – еле слышно спросила девочка, испуганно глядя на руку.

– Не бойся, тебя они не тронут, – ответил ей мужчина.

И ободряюще улыбнулся.

Но его улыбка никого ободрить не могла, его улыбка была страшна. Его улыбка открывала черный провал рта вместо зубов. У мужчины не было передних зубов.

На следующий день девочку подняли наверх и посадили перед видеокамерой.

– Эй, скажи что-нибудь.

Рядом с видеокамерой встали какие-то большие, бородатые, страшные мужчины, которые пялились на голые коленки девочки. И молча стояли женщины, в глазах которых не было сострадания.

– Чего молчишь? Давай, говори! – крикнули ей.

– Папа, папочка, – тихо сказала девочка, затравленно озираясь по сторонам. – Заберите меня отсюда. Скорее. Я боюсь...

Глава 6

Аслан Салаев держал в руках кусок жареного мяса, которое рвал зубами, не обращая внимания на текущий по подбородку сок. Рядом с ним сидели такие же, как он, бородатые боевики, которые отрезали длинными острыми кинжалами мясо от туши и жадно его поедали. Они пять дней нормально не ели, перебиваясь «сухпаем»...

На самом деле Аслан Салаев не был Асланом, а был Степаном Емельяновым, русским, уроженцем села Разливы Костромской области. Асланом он стал совсем недавно, приняв ислам и получив новое имя. Обычно контрактников убивают на месте, но он сдался сам, и его не тронули. Он сдался, потому что, если бы не сдался, попал под суд и получил минимум три года за то, что избил

вышестоящего начальника. Избил сильно, так что тот был отправлен в госпиталь со смятым в лепешку носом и свернутой на сторону челюстью. Конечно, они оба были хороши, оба, по случаю дня рождения жены командира, напившись до поросычьего визга и стали выяснять отношения. Отношений у них особых не было, были взаимные претензии. Он был чуть менее пьян и, повалив командира и сев на него сверху, несколько раз ударил по лицу. Когда тот перестал сопротивляться и подавать признаки жизни, он испугался и дал деру, прихватив с собой автомат.

Если бы пострадавший не был командиром, а был таким же, как он, контрактником, был ему ровней, дело могли замять. Но за командира он должен был получить на полную катушку.

Пару часов он шлялся вблизи гарнизона, а потом пошел куда глаза глядят. Шел всю ночь, обходя населенные пункты и блокпосты, стараясь держать направление на горы. Утром залег в какие-то кусты и проспал весь день. На исходе следующей ночи он наткнулся на какой-то одинокий дом, куда постучал. Не как на зачистках, не прикладом – робко. Ему открыли.

– Где тут ваши? – спросил он. – Я из части сбежал.

Ему никто ничего не сказал, но его пустили в дом, где дали еды и постелили постель. А утром его, спящего, толкнули в бок вооруженные люди. Он не сопротивлялся, он и не думал сопротивляться.

Он не корчил из себя тайного почитателя ислама, он рассказал все как есть. Рассказал, что по пьяной лавочке избил своего, попавшему ему под горячую руку, командира, если вообще не убил его, и что назад ему хода нет.

– Смотри, мы проверим! – предупредили его.

– Проверяйте, – пожал он плечами.

Ему связали руки и вывели из дома.

– наших убивал? – недобро поинтересовался кто-то из его конвоиров.

- Наверное, – честно сказал он, – я три раза в бою был, приходилось стрелять...

Шли они не долго, но так, что он никогда бы не смог повторить их путь. Шли, часто меняя направление, продираясь через какие-то буреломы, переправляясь через ручьи и одну мелкую, но быструю реку. В лагере его допросили еще раз. Спрашивали о том же самом, о том, почему он сбежал, много ли убил чеченцев, грозили проверить, не врет ли он, и отрезать голову, если врет. Кроме того, заставили его назвать имена командиров, состав и задачи части.

Он все рассказал.

К нему приставили конвоира и заставили заниматься хозяйственными делами – таскать дрова и воду, готовить еду. На ночь связывали и бросали в глубокую, из которой самостоятельно выбраться было почти невозможно, яму, которую он сам же и выкопал.

Но долго на одном месте не засиживались, часто меняя свое местоположение. На переходах его использовали как носильщика, навьючивая грузом сверх всякой меры. Если он отставал – его подгоняли ударами прикладов.

На новом месте он тоже без дела не сидел, сооружая шалаши, готовя подстилки и костровища. Он все делал молча, безропотно и усердно, понимая, что если будет им полезен, то будет жив, а если будет лениться, его прикончат.

Он привыкал к новой жизни, а боевики привыкали к нему. Как к удобному слуге.

- Эй ты, принеси...

- Эй, поддержи...

По имени его не звали, звали «эй», «эй ты» или «поди сюда».

Однажды, на марше, они попали в засаду. Они шли по еле заметной горной тропе, когда вдруг, откуда-то спереди и справа, без предупреждения и окрика, забил длинными очередями пулемет. Боевик возле Степана ткнулся лицом в траву, получив пулю в лоб. Все плюхнулись на животы. И он плюхнулся. Потому что пуля – она дура, она не разбирает.

Пулемет долбил очередями над самыми головами, срезая ветки и листву, которая осыпала их сверху дождем. Боевики сориентировались быстро, они были хорошими вояками и были у себя дома – они открыли ураганную встречную пальбу, под ее прикрытием расползаясь в стороны. Пленник тоже схватил автомат, тот, убитого боевика, схватил автоматически, потому что, когда в тебя стреляют, с оружием как-то спокойней. Это был выработанный на войне рефлекс.

Он схватил автомат и лишь потом сообразил, что сделал. Взяв в руки автомат, он поставил себя вне закона. С точки зрения федералов он перестал быть пленником, потому что пленников с оружием не бывает. А боевики наверняка подумали, что он решил сбежать. Хотя куда бежать – грудью на кинжальные пулеметные очереди? Два шага, может, и пробежишь...

Он увидел, как метнулись в его сторону злобные взгляды и как развернулись на него стволы автоматов. И, уже не думая о последствиях, лишь бы успеть, нажал на спусковой крючок. Автомат задрожал в его руках, посылая пули в сторону зарослей, откуда бил пулемет.

Боевики убрали оружие.

Тогда они потеряли трех человек, но смогли уползти и оторваться от преследования. Которого, может быть, и не было.

– Зачем ты стрелял? – спросили его.

– Я же говорю – мне хода назад нет. Там меня ждет только тюрьма.

Теперь ему доверяли больше. И гоняли меньше. И почти перестали бить.

– Хочешь быть как мы? – хохотали боевики, хлопая его по плечу.

– Ну а почему бы и нет?..

Но только на войне словам веры нет. Настал день, когда боевики притащили в лагерь пленных – трех солдат-срочников. Пацаны затравленно озирались по сторонам, не зная, чего ждать, к чему готовиться. Степан знал – к чему.

Догадывался.

Боевики развлекались, толкая и пиная пленников, видя, как те моргают глазами и почти уже плачут.

- Э?э... шакалы!..

Боевики презирали русских солдат за их слабость, трусость и неготовность умереть. Они не были мужчинами!

- Счас я тебя рэзать буду! - пугали они, подступая вплотную, хватая пленников за волосы и размахивая перед их глазами кинжалами.

Солдаты тряслись от ужаса, выкатывая глаза и отодвигаясь от мелькавшей перед их лицами стали.

- Ха?ха?ха, - покатывались довольные собой и своими шутками боевики.

Они глумились над слабыми, оглушенными страхом восемнадцатилетними мальчишками, чтобы чувствовать свою силу и удаль. Но их развлечение было опасным, пугая пленных смертью, они распались все больше и больше.

- Хочешь убить его? - вдруг почти дружелюбно спросил командир боевиков Степана, выдергивая в сторону крайнего пацана. - На - убей!

И протянул ему пистолет.

Боевики обрадовались новому развлечению. Но автоматы, на всякий случай, сняли с предохранителей и направили на пленников. На всех четверых пленников.

- Давай, покажи, что ты мужчина! - повторил командир. - Если ты убьешь его, мы тебе поверим!

«А если не убью, то они убьют его. А потом все равно убьют их. Убьют - всех», - подумал Степан.

Мальчишка в руках командира боевиков не дергался, он затих, замер, как кролик, которого обвил, приготовившись сожрать, удав.

В глазах его была мольба и была тоска. Смертная. А по щекам беззвучно ползли, капая вниз, слезы.

Степан взял протянутый ему пистолет.

И тут же в руках одного из боевиков оказалась видеокамера. Нет, это было не только развлечение, это была проверка и была вербовка. Если они снимут, как он расстреливает своих, то тогда точно деваться будет некуда. Тогда он точно – их!..

– Ну, давай, стреляй!..

Степан медленно, с усилием, поднял оружие. Пистолет плясал в его руке, так что прицелиться было невозможно. Но можно было и не целиться, потому что цель стояла в двух шагах.

Каково это стрелять в безоружного, стоящего в двух шагах от тебя человека, да еще в «своего», да еще понимая, что он ни в чем не виноват, что его не спросясь, а просто прислав повестку, привезли сюда и отдали в руки боевиков.

Их все равно, не он – их, так они. Хоть так, хоть так!.. Но так – его вместе с ним...

– Эй... ты что? – недовольно спросил, хлопнув его по спине, командир.

Солдат, неотрывно уставясь, смотрел на пистолет. В черную дырку дула, из которой на него глядела его смерть. И на палец, который торчал в спусковой скобе.

На его палец.

Он почувствовал, что веселье кончилось, что боевики внимательно приглядываются к нему. Нужно было стрелять... Или умирать...

Он, словно с разгона в ледяную воду прыгая, нажал на спусковой крючок.

Пистолет резко дернулся.

Ба?ах!.. Оглушительно, для него оглушительно, бабахнул выстрел! Отбитая отражателем, полетела в траву, сверкнув на солнце, пустая гильза.

Боевики одобрительно заржали.

А вот солдат – тот убившего его выстрела не услышал. Тупая девятимиллиметровая пуля ударила его в лицо, отбрасывая и опрокидывая назад, раздирая в клочья мозг. Он всплеснул руками и рухнул навзничь. Уже мертвым.

– Молодец! – похвалил Степана командир.

Его командир...

Оставшихся пленников они расстреляли позже и уже сами.

Их нагрузили вещами и продуктами и погнали в середине колонны. Но солдаты с трудом выдерживали заданный темп, не поспевая за боевиками. Их несколько раз били, заставляя идти быстрее, что вначале помогало. Но потом один ослаб окончательно, настолько, что не мог уже подняться под грузом. Его поставили на колени и, заведя под грудь нож, перерезали горло. Как барану.

Последний пленник, видя расправу, смог пройти еще двадцать километров...

Степан не отставал, он шел как все, потому что шел почти налегке. На этот раз «вьючным животным» выпало быть не ему. Пистолет у него так и не забрали. Пистолет остался при нем.

Ему поверили, он стал – своим. Стал – одним из них...

Глава 7

Дочь нашлась. Но не так, как хотелось бы. И не там...

Отца Кати остановила на улице какая-то женщина. Южной наружности.

- Это ты дочь потерял? - спросила она.

Он встал как вкопанный.

- Вы что-то знаете? - с надеждой спросил он. - Что?! Кто вы?

И схватил женщину за руку, с надеждой заглядывая ей в глаза.

- Жива она, жива, - заверила его женщина. - Вот тебе от нее...

Протянула какой-то сверток, вырвала руку и убежала. Совершенно ошарашенный, он несколько секунд стоял недвижимо, а потом, очнувшись, бросился за ней вслед. Но догнать не смог - женщина села в поджидавшую ее машину, которая тут же тронулась с места.

Тут же, на улице, сдирая бумагу ногтями, он вскрыл пакет. Внутри была видеокассета. И больше - ничего.

Он бежал домой бегом, задыхаясь и сбивая с ног прохожих, чтобы скорее просмотреть кассету. Он даже не догадался поймать машину.

Он толкнул кассету в видеомагнитофон и, согнувшись, замер возле телевизора. В дверях замерла его, услышавшая шум в комнате, жена.

Экран вспыхнул, и на экране появилась девочка. Их дочь.

Она затравленно смотрела куда-то за экран и беззвучно шевелила губами.

Звук, надо добавить звук!..

Трясущимися руками он схватил пульт и, путая кнопки, нащупал наконец кнопку звука.

Голос прорезался.

– Папа, папочка, – еле слышно, хотя телевизор был включен на полную мощность, сказала она, – заберите меня отсюда. Скорее. Я боюсь...

И беззвучно, все так же испуганно поглядывая куда-то вперед, тихо заплакала. Плечи ее вздрагивали, из глаз текли слезинки.

Громко плакать она боялась, что было понятно и что было даже страшнее, чем если бы она рыдала в голос.

Сзади сдавленно охнула мать. Из ее рук выпала и со звоном разлетелась вдребезги тарелка. Муж подскочил к ней и, придерживая за плечи, довел до дивана.

А на экране появился молодой, обросший кавказец. Он был в камуфляже и держал в руках нож. Может быть, для страха, может быть, потому, что это была его любимая игрушка.

– Если хочешь видеть свою дочь живой, приготовь деньги, – сказал он. – Пятьсот тысяч долларов!

Он сделал шаг в сторону, и в кадре появилась девочка, которая, видя его приближение, сжалась в комок и затряслась от страха. В глазах у нее был ужас. Ничего, кроме ужаса!

– Если ты пойдешь в милицию, я отрежу ей голову! – сказал кавказец и, схватив девочку за волосы и намотав их на руку, полоснул по воздуху, перед ее лицом, кинжалом.

Девочка взвизгнула и забилась у него в руках. Но он отпустил ее, отбросив обратно на стул.

– Понял – да? Мы позвоним...

Кадр оборвался, и по экрану побежали светлые точки.

Запись была короткая, совсем короткая.

– Мы найдем деньги? – глухо спросила жена. – Ты их найдешь?

Отец девочки ничего не ответил, он сидел, обхватив голову руками, и медленно качался из стороны в сторону. В ушах у него звучал, продолжал звучать голос дочери:

«Папа, папочка... Заберите меня отсюда. Скорее. Я боюсь... Папа, папочка!..»

Денег они не нашли. Они обегали всех знакомых, все организации и банки, с трудом насобирав семьдесят тысяч. А надо было – пятьсот! Даже если все продать, даже если продать квартиру и дачу, все равно получалось гораздо меньше половины запрашиваемой суммы.

В милицию отец не пошел. В милицию он уже ходил. Чего ему хватило. Он нашел одноклассника, который раньше работал в прокуратуре следователем.

– Что мне делать? – спросил он.

Тот развел руками.

– Дело они, конечно, откроют, – сказал его приятель. – Но сделать ничего не сделают. Они здесь, у себя дома, ничего не могут, а там!.. Там войска ничего сделать не могут!..

– Что же мне делать? – еще раз спросил отец.

– Не знаю, – честно ответил его приятель. – Я бы искал деньги.

Круг замкнулся.

Он был в администрации, в каких-то бесчисленных общественных организациях, у депутатов, у богатых людей города – его везде внимательно выслушивали,

всегда сочувствовали и обещали помощь, но нигде деньгами.

Деньги у них были, но у них не было денег на его дочь!

Похитители звонили ему два раза. Они требовали денег и угрожали.

Он оправдывался, объясняя, что такую сумму собрать быстро невозможно, умолял не трогать его дочь, обещал найти деньги, просил еще немного подождать.

– Смотри, дожدهшься! – предупреждали они, продляя срок еще на неделю.

Потом он получил еще одну посылку. С кассетой. И каким-то небольшим свертком. Эту кассету он просматривал один! Он отправил из дома под каким-то предлогом жену, зашторил окна и включил телевизор.

На экране было то же самое, которое он уже видел, помещение, был стул, на стуле его дочь. И был тот же самый бородатый кавказец.

Кавказец стоял против камеры и смотрел с экрана прямо на него.

– Слушай, мы говорили, что шутить не любим, – укоризненно говорил кавказец. Ему говорил. – Ты просил неделю – мы дали неделю. Ты просил еще – мы согласились. Слушай, сколько можно тянуть! Ты что – не любишь свою дочь?..

Отец, напряженно, боясь вдохнуть, смотрел на экран. Он боялся, он был готов увидеть все, что угодно!..

– Или ты такой тупой, что не понимаешь?.. Мы же убьем ее, и все! Тебе денег жалко, да?..

Кавказец подошел к девочке и взял ее за волосы.

– Смотри, какая хорошая девочка. Неужели ты ее не жалеешь?..

Он сжал девочку крепче и, поставив ей на колени ногу, с силой придавил к сиденью, а коленкой к спинке стула.

- Не жалеешь, да?.. А я должен жалеть, да?

Девочка была ни жива ни мертва.

А отец был уже почти мертв. Он затрясся и стал шарить рукой пульт, чтобы выключить телевизор. Как будто это могло что-то изменить. Как будто запись на пленке от этого стала бы другой.

Кавказец выдернул из-за пояса кинжал и стал размахивать им перед лицом девочки, заводя себя и что-то выкрикивая. Что - отец уже не понимал. Он смотрел в лицо, в глаза дочери, полные ужаса! Животного ужаса! Он знал, он слышал, что они запросто могут отрезать голову кому угодно - хоть живому барану, хоть живому ребенку. Он только не думал, что это может коснуться его!

Кавказец перехватил нож в левую руку, поймал, с силой оттянул девочке ухо и провел по нему заточенным остро, как бритва, ножом. Девочка дернулась, завизжала, забилась под притиснувшим ее к спинке стула коленом. По ее правой щеке и по плечу брызнула кровь.

- Понял, да? - со злобой сказал кавказец, что-то держа в окровавленных пальцах. - Мы не шутим, да! Если ты не достанешь денег, то свою дочь не увидишь!..

Кассета промоталась до конца. И лишь тогда трясущимися руками он развернул маленький, который был в одной посылке с кассетой, сверток. Там, в запекшемся от крови платке, лежал какой-то серого цвета обрубок.

Лежало пол-уха...

Когда жена вернулась домой, ее муж сидел перед включенным телевизором, который ничего не показывал. Который показывал одну сплошную, непроницаемую черноту...

Глава 8

Времена нынче стали не те!.. Это когда было, чтобы к прокурору на дом, да еще без приглашения, являлись просители?! Никогда не было! Раньше такое никому бы в голову не пришло – даже близкому другу, даже соседу по даче! Раньше от прокуроров предпочитали держаться подальше, ничего у них не прося и ничего не предлагая. Потому что знали – безнадежно просить, а тем более предлагать.

А теперь...

Теперь все по-другому. Теперь чья-то «крыша», состоящая из бывших фээсбэшников, вышла на другую «крышу», где подвязались недавние эмвэдэшники, и попросила провентилировать один вопрос. Не за просто так, конечно. Эмвэдешная «крыша» прикинула, кто из действующих работников находится «в теме», и стала искать к нему подходы через общих знакомых. Знакомые нашлись и, из уважения к американским президентам, согласились посодействовать, напросившись к нужному человеку в гости, куда прихватили с собой своих новых «приятелей». Приятели принесли двухсотдолларовые коньяки и пятисотдолларовую закуску. Но это был даже не аванс, а лишь повод для знакомства.

– Нехорошо получается, – после третьей рюмки пожурили гости своего нового, из прокуратуры, приятеля. – Зачем же мешать друг другу? У вас свой бизнес – у нас свой...

Во времена застоя, не говоря уж о годах строительства коммунизма, приглашенный за стол прокурор, выслушав подобные претензии, вытащил бы табельный ствол и положил гостей мордой в пол, вызвав из ближайшего отделения милиции дежурный наряд. Этот – вытащил из банки краба.

– Вы о чем? – спросил он.

– О самолете!

– О каком самолете? – недоуменно выпучил глаза прокурорский чин.

– Который сбили. Его – сбили, а в заключении написали про каких-то, блин, птичек!

– А в чем разница?

– В международном престиже компании и сумме страховых выплат. Одно дело – птички, и совсем другое – умышленное повреждение воздушного судна, повлекшее за собой катастрофические последствия.

– Так вы из авиакомпании? – догадался прокурорский чин. – И что вы от меня хотите?

– Приобщить к делу показания свидетелей. Можете считать это добровольной помощью следствию.

Гости вытащили диктофон и включили запись.

– "...Я увидел сильную вспышку, вот здесь, сзади, а потом самолет стал падать..."

«Интересно, как они на меня вышли? – удивился про себя прокурорский работник. – Очень точно вышли, на того, на кого надо! Что вряд ли случайность».

– Нам кажется, что все мы заинтересованы в установлении истины. В связи с чем мы, со своей стороны, готовы оказать всемерную помощь следствию.

И, достав из кейса, показали стандартный лист бумаги, где фломастером была написана цифра. Цифра пятьдесят и три нуля.

Значит, если поторговаться, дадут семьдесят? семьдесят пять. Неплохой довесок к месячной зарплате. Жаль, что он пройдет мимо рта.

И прокурорский работник отправил в рот ложку принесенной гостями икры.

Эх, им бы раньше прийти, хотя бы на денек. Он бы, конечно, и тогда не помог, но у него хотя бы был повод пообещать помочь. А теперь – поздно. Потому что той

авиакатастрофой занимается новый, принятый в их отдел, работник. Рядовой работник. Который, судя по многим признакам, не рядовой и не их работник. А «оттуда», с «пустой площади», которая рядом с «Детским миром».

Так что заработать на самолете без риска потерять работу затруднительно...
Хотя...

– Рад бы, ребята, помочь, но это не по моему ведомству. Я самолетами не занимаюсь, – развел руками прокурорский чин. – Но... могу дать вам совет. – И, взяв салфетку, написал цифру пять. Добавив к ней три нуля. – Добрый совет.

Гости быстро переглянулись, вытащили и положили на стол деньги. Которые хозяин дома ловко прибрал к рукам.

– Не лезьте вы в это дело!.. Непростое это дело...

И многозначительно ткнул пальцем в потолок. Вряд ли для того, чтобы гости обратили внимание на его новые натяжные потолки.

Когда «представители авиакомпании» ушли, хозяин дома «пробил» их адреса по своим каналам.

А?а... ну тогда все ясно! Их наглость ясна. Обеспеченная составом учредителей, куда входят родственники не последних в стране фамилий, против которых прокуратуре идти все равно что против ветра по малой нужде. Вот на что они рассчитывали! Только на этот раз они промахнулись! На этот раз это не рядовое следствие, которое можно повернуть хоть так, хоть эдак, на сей раз все обстоит серьезней.

Что он им за гонорар в пять тысяч баксов попытался объяснить. А уж поняли они или нет...

Гости – не поняли.

Вернее, поняли не сразу.

Вернее – слишком поздно...

Потому что через пару дней к ним в офис завалилась веселая толпа в маскарадных, цвета хаки, костюмах с одноцветными масками на лицах, с неигрушечными пистолетиками в руках. С ходу опечатав все помещения, вплоть до туалетов.

- На каком основании? - попытались протестовать они.

- Налоги надо платить. Чтобы спать спокойно, - популярно объяснили им.

Нет, они не испугались - в первый раз, что ли, - они срочно сделали звонок по хорошо известному им телефону. По тому, откуда прибыла эта маски?шоу?группа. Но тот человек, который обычно отвечал за отмену «маскарадов», на этот раз к телефону не подошел.

Что было уже интересно!..

Но еще интересней стало, когда стало известно, что у них опломбировали на таможне груз! Причем проплаченный. Причем дважды проплаченный - налом и безналом!

«Что за ерунда?!» - ломали они головы.

Но потом их нашли свидетели авиапроисшествия и, вернув деньги, сказали, что ошиблись, что никаких вспышек возле двигателей не видели, потому что в этот момент были дома, в комнате с опущенными шторами, где крепко спали, накрывшись с головой подушкой, приняв упаковку снотворного.

После чего все стало более?менее понятно.

Хотя не понятно, из?за чего такой сыр?бор разгорелся. Неужели из?за какого?то паршивого самолета?..

Из?за него!

Но не только из?за него!.. Вернее - не столько...

Глава 9

В серьезные бои они не лезли. Серьезный бой партизан с регулярной армией безнадежен. Армию победить в открытом бою нельзя – их просто расстреляют из орудий, выведенных на прямую наводку, или вызовут «вертушки» и накроют залпами ракет «воздух – земля», смешав с грязью.

Партизан должен действовать исподтишка, «комариными укусами» тревожа регулярные части. Конечно, сам по себе укус комара безопасен. Если он один. Но если комаров будет много, то они постепенно могут высосать из организма всю кровь.

Этим принципом они и руководствовались. Больно жалили и уходили, как можно быстрее и как можно дальше, не по прямой, а петляя и путая свои следы, как зайцы. Уходили в «зеленку». Отдыхали там, где их заставляла ночь, или день, если шли ночами. Спали под кустами, вповалку, вжимаясь друг в друга, ища тепла и все равно замерзая так, что зуб на зуб не попадал. А поднявшись, зачастую даже костер не могли развести, чтобы согреться и приготовить пищу, потому что над лесом барражировали «вертушки» и где-то там, на высотках, засел наблюдатель-корректировщик, который, заметив дым, наведет на них огонь минометной батареи, что накроет их залпом.

Встали, отряхнулись от росы и айда мотать километры! Впереди, налегке, с автоматами на изготовку боевое охранение – им, если что, умирать первыми, принимая удар на себя, – в центре основное ядро, позади арьергард. Шаг за шагом. Шаг за шагом...

Остановка.

Уходит в разведку дозор. Вынюхивает, что там впереди.

Дорога – впереди, по которой проходят воинские части. Полноценную колонну им не взять – кишка тонка, но можно выследить одинокую, отставшую машину и, засев по обе стороны дороги, открыть ураганный, из всех стволов, огонь на поражение. Разом, по команде, разобрав цели, отстрелить по рожку, изрешетив

кабину и борта так, чтобы на каждом сантиметре по дырке. И в каждом сидящем в кабине и кузове – по дырке. Забросать для верности машину гранатами...

Он тоже стрелял, как все, но хуже других. Если было возможно, он стрелял мимо, все?таки стрелял в «своих». Ни к чему лишний грех на душу брать!.. Но возможности были, лишь когда шла залповая стрельба, где, кто куда палит, не разобрать.

Две?три минуты работы, и все кончено! Кто?нибудь, забравшись в машину, добивал раненых из пистолета или ножом. «Минировал» трупы, рассовывая под мертвые тела гранаты с выдернутой чекой, чтобы тот, кто их будет ворочать, тоже взлетел на воздух. Раненых в плен не брали, раненых с собой не утащишь. А нераненых, при такой интенсивности огня, почти никогда не было.

Все, можно уходить.

Расталкивали трофейные боеприпасы по рюкзакам и подсумкам и срывались с места. Быстрее, пока к месту засады не подошла какая?нибудь колонна и не вызвала вертолеты.

Быстрее, быстрее!..

Все дальше и дальше!..

И лишь изредка можно было залечь на несколько дней в надежную берлогу, чтобы отъесться и отоспаться. Не дольше чем на несколько дней – нельзя, на дольше – опасно. Армейская разведка не дремлет, армейская разведка идет по пятам!

Такая жизнь у их маленького – чуть больше отделения – отряда, который даже не понятно, под кем ходит. Может быть, даже сам по себе...

Но сегодня случай особый...

Сегодня мелкие формирования, встретившись в условленном месте, слились в один, под единым руководством, отряд. Длинная, растянувшаяся на полкилометра, колонна идет по «зеленке». Идет ночами, чтобы раньше времени

себя не раскрыть. В середине – навьюченные грузом лошади, которых ведут под уздцы. На лошадях тюки. Большая сила собралась.

Перемахнули дорогу.

Возле другой затаились, пропустив БТР и несколько воинских «Уралов». В другой раз разнесли бы их в куски, но не сейчас... Сейчас отпустили с миром. Мимо смерти прошли ребята, даже ее не заметив!

Спустились на равнину, значит, скоро бой. Днем они, рискуя попасть на глаза «летунам», не пойдут, тем более с ними лошади... Лошадь не человек, ее не спрячешь. Значит, до утра должны выйти в исходную точку. И, по идее, должны разделиться...

Точно! Разошлись на две колонны, чтобы охватить, взять населенку в кольцо. Туго придется тем, кто там...

Шаг, шаг... В полутора метрах маячит практически неразличимая в темноте фигура впереди идущего боевика. Главное, не отстать от него, не оторваться, не разорвать колонну...

Шаг. Шаг. Шаг...

Остановка. Впереди неясные огни. Похоже, пришли.

Собрались группками. Командиры ставят задачу, подразделения рассыпаются, пропадая в ночи.

Пошли!

Окраина поселка. Какой-то дом.

Легли, затаились.

И вдруг – ба?ах!..

Где-то там, сбоку, рванул темноту ночи взрыв – вспышка пламени, грохот, крики. Обстрел?.. Нет, не похоже. Мины! Минное поле!.. Напоролись.

– Аслан... Где Аслан?..

Аслан – это он. Его новое имя. Похоже, вспомнили о его контрактной специальности, о том, что там «в миру» он был сапер...

– Давай, ты первый.

Точно, вспомнили... И работа у него будет саперная – искать и обезвреживать мины. Но только не с помощью миноискателя – а собой. Топтать дорогу первому, ища ногой противопехотки. Где его разнесет в клочки – там и минное поле. Все-таки он не свой – своих они жалеют.

Шаг.

Постоять секунду.

Еще шаг...

Куда ступить, чтобы не налезть на мину, – вправо или влево? Знать бы, где она притаилась.

Попробуем влево.

Шаг!..

Уф!.. Теперь куда?..

Еще шаг...

Так они уже ходили не раз, и всегда впереди – он. Как наименее ценный. Подорвется он, следующим шаг в шаг за ним пройдет другой. А потом третий... Пока не перекинется через минное поле безопасная тропка, по которой пройдут оставшиеся в живых.

Еще шаг.

Еще...

Какой?то огород. Значит, нет здесь мин – на этот раз нет! Пронесло...

И тут же – атака!

Вернее, она уже давно идет с той стороны, где в темноте отчаянно стучат автоматные очереди и басит пулемет. Не получилось тихо. Из?за той, рванувшей под чьей?то ногой, мины. Но все равно гарнизон обречен, слишком их много.

Бегом вдоль улицы. Здесь пока тихо, но вряд ли надолго.

Поворот. Еще поворот.

Очередь из?за угла!..

И тут же туда летит граната. Взрыв!..

Кто?то падает. Его добивают выстрелом в упор.

Бегом, бегом!

А дальше – сплошной сумбур: вспышки выстрелов и взрывов в темноте, ответные выстрелы, искры, огненными снопами вылетающие из дула автомата, короткие перебежки, крики... Где свои, где чужие – не понять.

Да и кто ему свои?..

И вдруг посветлело, словно на небо взошла полная луна. Это федералы повесили над поселком три осветительные ракеты. Зря повесили, не подумав, себе же во вред! Так, в темноте, могли рассыпаться, просочиться, уйти поодиночке...

Нет, не захотели поодиночке, решили пробиваться с боем, потому что где?то там, на левом фланге, вдруг вспыхнула отчаянная перестрелка и ухнули

несколько, один за одним, взрывов ручных гранат. Пошли в прорыв, прорубая брешь в цепях противника плотным, концентрированным огнем. Пробились? Ушли?..

Автоматная трескотня звучит все дальше и все реже. Если ушли, то не все и недалеко. А может, им и повезло... Всё?

Кажется, всё! Очередей почти не слышно, только тихие хлопки одиночных pistolетных выстрелов. Это добивают раненых. Из домов повылазили местные жители, громко переговариваются с боевиками, ищут своих. Которые здесь запросто могут быть.

На площади какое-то движение, шум... Похоже, пленные...

Точно! Полтора десятка срочников и контрактников стоят возле стены, безоружные, без ремней, в расстегнутых гимнастерках. Кто-то в крови – ранен. Против них возбужденные, смеющиеся, бородатые, обвешанные оружием боевики. Срочники в сравнении с ними совсем еще мальчишки, они растеряны, испуганы, вжимают головы в узкие плечи, как желторотые птенцы, вздрагивают от каждого громкого окрика. Контрактники другие. Они мрачно исподлобья поглядывают по сторонам. Они знают, чем все кончится, и просто ждут...

Лишь бы не оказалось среди них знакомых лиц, никого из его бывшей части. Вроде нет...

– Что, вояки!.. – издеваются над пленными чеченцы. Смеются, толкают их.

Кого-то повалили сильным ударом на землю. Стали пинать. Он пытается закрывать руками лицо. Его пинают по рукам. Это или офицер, или снайпер. Снайперов боевики сильно не любят.

Но долго все это продолжаться не будет. Долго им здесь оставаться нельзя. Нужно спешить уйти до света. И, значит, участь пленников предрешена.

Контрактников отгоняют прикладами в сторону, окружают полукольцом, держа под прицелом. За спинами боевиков маячат жители деревни – женщины и дети, с любопытством смотрят на пленных, ждут, что будет. Никакой жалости к ним у

них нет – лица веселые, оживленные, словно они на праздник пришли.

Какой-то боевик, выступив вперед, что-то говорит не по-русски, часто оборачиваясь и указывая на пленных. Все внимательно слушают, одобрительно кивают.

Что с ними сделают? Расстреляют или?.. Лучше бы расстреляли.

Но нет!..

В руках митингующего боевика появляется выдернутый из ножен тесак. Он подходит к ближайшему контрактнику, пинает его по ногам и, когда тот падает на колени, хватает за волосы, запрокидывает, оттягивает ему назад голову, чтобы открыть горло, и медленно, неспешно проводит по нему тесаком. Кажется, что просто проводит, хотя на самом деле перерезает чуть не до половины шеи, потому что хорошо заточенная сталь очень легко входит в человеческую плоть. Как в масло... Контрактник не кричит, он не может кричать, потому что у него перерезана трахея. Он булькает кровью и падает.

Толпа одобрительно гудит.

Теперь все понятно, понятно, что будет. Всем понятно!

И один из пленников вдруг отчаянно – все равно терять нечего! – одним мощным прыжком, рванувшись в сторону, подскакивает к толпе, опрокидывает нескольких человек и что есть сил бежит по улице, кидаясь из стороны в сторону.

Неужели уйдет?..

Но – нет. Как бы быстро он ни бежал, пули летят быстрее. Короткая очередь сбивает его с ног. И вот он уже лежит, корчится от боли в пыли. Всего-то и успел пробежать четыре шага...

Его, мычащего от боли, еще живого, волоком подтащили к стене и, не дав умереть спокойно, полоснули по шее...

Срочники, обезумев от ужаса и ожидания, смотрели на расправу.

Дальше пошло быстрее. Контрактников, схватив их и нажав на них вдвоем сверху, роняли на колени, оттягивали головы и перерезали чуть не до хребта шеи, бросая дергающиеся, агонизирующие тела на землю.

Никто не ужасался, не рыдал, не закатывал глаза. Только стоящие чуть в стороне от мужчин женщины прикрывали лица платками. Для всех них все это нормально и обыденно. Как забой скота. Для всех них это был всего лишь обычай, который никого не пугает.

Боевик, исполнявший роль палача, поднял окровавленный тесак и, размахивая им в воздухе, что-то стал долго и горячо объяснять, к чему-то призывать. Сзади него в лужах крови валялись трупы. Но были еще и живые...

Из толпы, раздвинув плечом людей, вышел мальчишка лет тринадцати-четырнадцати. Хотя по их, местным, меркам это уже не мальчишка, уже мужчина, боец и при отсутствии более старших мужчин – глава семьи.

Он, твердо ступая, подошел к боевику, и тот протянул ему тесак. И что-то снова громко сказал, указывая на него пальцем. Что – не понятно, но понятна была интонация – одобрительная и поощряющая. И еще несколько раз в речи прозвучало имя – Мурад.

Мурад...

Мурад взял тесак, подошел к пленному и встал перед ним. Все-таки ему было страшно в первый раз... Удерживаемый с двух сторон за руки пленный контрактник с ненавистью и ужасом смотрел на мальчишку, от которого ему суждено было принять смерть. И все смотрели на него.

Боевик что-то тихо ему сказал.

Мурад, словно решившись, сделал еще один короткий шаг, приставил тесак к горлу контрактника и, сильно нажав, провел им слева направо.

Боевик что-то громко и одобрительно прокричал. Наверное, что Мурад настоящий воин и джигит и что им должна гордиться мать!

Толпа загалдела...

«А завтра, когда придут войска, они будут мямлить про то, что ничего не видели и не слышали, и корчить из себя страдальцев!» – вдруг зло подумал Аслан Салаев, уроженец села Разливы Костромской области. Потому что помнил, как они входили в такие же вот населенки и как их встречало население. И он входил. А теперь пришел вот так по-другому и увидел их совсем с другой стороны...

Полоснуть бы по ним сейчас из автомата, прямо так, от бедра, положить человек десять-пятнадцать! Десять – точно можно успеть... Он даже почувствовал, как напряглась на автомате его рука...

Но нельзя полоснуть, потому что поздно, потому что он – Аслан, а не Степа, потому что он – их и с ними, а не с теми, кого они режут.

Может, хоть срочников не тронут?..

Срочников трогать не стали, срочников разобрали по отрядам, потому что лошадей на всех не хватало, а груз за счет трофейных боеприпасов и продуктов прибыл и всем нужны были вьючные животные.

Они ушли до рассвета, рассыпавшись через несколько километров на мелкие, затерявшиеся в предгорьях отряды. Мурад, тот, четырнадцатилетний мальчик, что зарезал контрактника, ушел с ними. Ему оставаться в деревне теперь было нельзя. Его детство кончилось...

Рейд удался. Они уничтожили до двух взводов живой силы противника, сожгли три БТРа и не сколько машин, освободили большой населенный пункт и разжились оружием и боеприпасами.

Этот «укус», в отличие от других, был очень чувствительным укусом. Уже не комариным. А главное, был не последним...

Принадлежность безголового трупа установили довольно быстро. Труп при жизни был гражданином Мамедовым, тысяча девятьсот пятьдесят девятого года рождения, уроженцем города Грозного, тогда еще Чечено-Ингушской Автономной Советской Социалистической Республики. Последние лет десять гражданин Мамедов жил в их городе, состоя в браке с гражданкой Курочкиной, от которой имел двух детей. В настоящее время он нигде постоянно не работал, подвизаясь на ниве частнопредпринимательской деятельности, держа на местном колхозном рынке несколько палаток.

Что сильно усложнило задачу следствия, потому что у уроженца Чечено-Ингушской Республики, да еще частного торговца, да еще в наше время врагов должно было быть немерено. Следствие выдвинуло несколько основных версий – конфликт на бытовой почве, на производственной и кровная месть. На большее у местных сыщиков фантазии не хватило. Или желания...

Потому что узнать имя его убийц было не так уж сложно. О них весь город знал, по крайней мере, та его мусульманская часть, которая занималась торговлей.

Гражданина Мамедова «замочила» чеченская «крыша». Та, что «держала» в городе колхозный рынок, еще два рынка помельче, автомобильную толкучку, автосервис и без счета торговых палаток.

За что «замочили», было тоже хорошо известно. За то, что Мамедов отказался им платить. Нет, не дань, дань Мамедов, равно как все остальные «колхозные» торговцы, отстегивал исправно и в срок. Это дело святое, это как в Америке подоходный налог.

Мамедов отказался платить дополнительный сбор, который назначила «крыша» в прошлом месяце. Другие хоть и скрепя сердце, но согласились, он – нет!

К нему пришел «бригадир».

– Ты не хочешь помочь своим братьям, которые сейчас там воют? – спросил он.

- У меня нет братьев. Они все погибли, - ответил Мамедов. - И нет денег.

- Тогда бери оружие и иди вой, если ты мужчина, а не презренный трус!

Воевать Мамедову хотелось даже меньше, чем давать денег. Он этого удовольствия уже хлебнул в первую войну. Причем под завязку! Лучше было отдать деньгами, чем кровью, но его только что кинули на крупную сумму, а его жена ждала ребенка. Не эта - та, вторая, жена.

- У меня сейчас нет денег, - повторил он.

- ... - сказал «бригадир» по-чеченски, что было угрозой и было оскорблением.

Пугать чеченцу чеченца дело пустое. Даже если тот струсит, он все равно этого не покажет. И уж совсем глупо оскорблять.

Мамедов ответил. Ответил в том же тоне, на понятном торговцу и его «крыше», не чеченском и не русском, а на блатном языке. Ответил в том смысле, что, пока он там за свободную Ичкерию свою кровь, не жалея, проливал, они здесь по-легкому «бабки» заколачивали и с «телками хороводились», как последние, трусливые шакалы.

Что было правдой, и потому было вдвойне обидно!

Чеченская группировка, «крышующая» колхозный рынок, еще два рынка и без счета торговых палаток, гибнуть в неравной борьбе с русскими захватчиками не спешила, предпочитая бомбить безоружных лохов в российской глубинке, откупаясь от войны чужой «зеленью».

А Мамедов осмелился сказать об этом вслух, нанеся тем оскорбление, которое можно было смыть только кровью. Его кровью.

Мамедова убили и отрезали ему голову, представив банальную бандитскую разборку патриотическим актом. Чтобы другим неповадно было возбуждать против «крыши» и «бабки» жать.

Как можно на такое дело не давать?..

Нельзя не давать!..

Потому что все дают, от Калининграда до Владивостока и от Салехарда до Астрахани. Нищие попрошайки, которые сидят на вокзалах и в переходах, торговцы на рынках и известные всей стране нефтяные магнаты, качающие нефть из тюменских недр. Попрошайки «отстегивают» по сто рублей, магнаты – миллионы долларов.

Потому что если не «отстегивать», то мало не покажется! Пусть даже ты самая наикрутейшая «крыша». Приедут с родины боевые ребята с автоматами и гранатометами и покروشат в лапшу. Это ж не менты, с ними не договориться. Они же не для себя берут!..

Тоненькие ручейки сотен отнятых у нищих рублей, тысячи – торговцев, миллионы – магнатов, сливаясь в мощные денежные потоки, текут налом, в чемоданах курьеров в Чечню и через границу, с валютных счетов на счета офшорных банков. Каждый день, каждый час. Потому что война питается не только кровью и не столько кровью, сколько деньгами. Причем в та?аких количествах! Ведь каждый отстрелянный в цель или мимо патрон, он не бесплатный, а стоит десять или больше центов, очередь – два или больше долларов, подствольная граната – полтинник, пластид – сотня, автомат – пятьсот, противотанковый гранатомет – от пяти штук, ручной ракетно?зенитный комплекс – пятьдесят...

А сколько в той Чечне на руках автоматов и пистолетов? И сколько из них ежедневно вылетает тех пулек, а из подствольных гранатометов гранат? Сотни тысяч?.. Тра?та?та... Ба?бах!.. – и нет миллиона!

А сколько автоматов приходит в негодность, теряется или изымается войсками? И покупается вновь. Сколько банок тушенки и галет съедается? Сколько одежды рвется? Ботинок изнашивается?

А ведь это не все, есть еще амуниция, радиостанции, видеокамеры, джипы, спутниковые телефоны, медикаменты, палатки, взятки российским журналистам и чиновникам, номера в закордонных гостиницах и койко?места в госпиталях...

И надо платить денежное содержание «личному составу». И премии – от пятидесяти до двухсот долларов за голову каждого убитого солдата? срочника федеральных войск, триста – за более ценного «контрабаса», от пятисот до тысячи за офицера. Доплату – за снайпера. И особо – за генерала.

А сколько тех солдатиков, офицеров и генералов полегло в Чечне? Тысячи! И за каждого нужно платить! И сколько взорвано и сожжено машин, БТРов, танков, «вертушек»? Взорвано мостов и зданий? За которые положена отдельная плата.

Это же миллионы!..

Каждый день!

Каждый божий день!..

И как прикажете воевать, если этот денежный поток вдруг, в один прекрасный для России и несчастный для Ичкерии день, иссякнет? Совсем!

А никак! Из чего стрелять, если то, из чего надо стрелять, не на что купить? И чем стрелять, если нечем стрелять? Чем подбивать танки и сбивать вертолеты? Чем платить за головы убитых солдат?..

Ну не вилами же и косами на танки переть! Да и не поперет никто!..

И все, и кончится война. Если закончатся деньги.

И поэтому они не должны закончиться, и каждый чеченец, где бы он ни был и чем бы на жизнь ни зарабатывал, должен отстегнуть на войну сотку или миллион. Которые пойдут на покупку патронов, гранат и зенитных комплексов. И на оплату голов...

И все будет в порядке!

Потому что пока есть деньги, война будет продолжаться. До тех самых пор, пока будут деньги!..

Глава 11

Следующую посылку они ожидали с тихим ужасом. В следующей посылке должна была прийти голова. Их дочери. Потому что денег они так и не нашли. Хотя обещали их многие.

Если бы все те, что они выслушали за последнее время, обещания можно было обратить в звонкую монету, то они бы стали очень богатыми людьми и смогли выкупить свою дочь. Причем не один, а сто раз! Но обещания остались не более чем обещаниями. Те, кто давал им деньги, сами были нищими, отрывающими кровные сотни от зарплат и пенсий. Те, кто мог дать много, интересовались, на какие они могут рассчитывать дивиденды. Их можно было понять, потому что, когда отдаешь сто рублей из пенсии, теряешь всего сто рублей, а когда одалживаешь полмиллиона баксов, то теряешь оборотные средства, то есть теряешь не пол?"лимона", а пол?"лимона" плюс еще пол?"лимона" утраченной годовой прибыли, еще «лимон» в следующем году, который наварится с первоначальной суммы и наваренной с нее прибыли, и еще два – через год. То есть теряешь почти в десять раз! А таких «бабок» никакие детки не стоят! Тем более чужие. И им отказывали.

Их дочь находилась в плену, а они ничем не могли ей помочь!

– Обижайся, Витя, не обижайся, но ты просе...шь свою дочь! – пророчил Виктору один его приятель. – Попомнишь мои слова!

– А что мне делать? – отчаянно вопрошал совершенно растерянный, уже ни во что и ни в кого не верящий отец.

– Драться! Мужик ты или не мужик?! Хватит сопли жевать, собирайся и лети туда! Ищи их и бери за глотку! Вот так! – хватал себя поперек горла приятель, багровея и страшно выкатывая глаза. – Они – тебя. Ты – их! Деньги?то у тебя есть?

Деньги были. Собранные на выкуп.

– Прибудешь, сразу дуй в штаб федералов и найди кого?нибудь из спецназа. Они ребята тертые, обязательно что?нибудь присоветуют. Только водки побольше захвати...

Виктор купил два ящика водки и билет на поезд.

Лучше так, лучше хоть что?то делать, чем ждать...

Водка пригодилась лучше денег, водка оказалась универсальной валютой на блокпостах, в штабах и комендатурах. Впрочем, деньги – тоже. Давать приходилось много и часто – за проход, проезд, информацию, ночлег...

Кому война, а кому мать родна... Всегда так было и будет впредь. Здесь, на войне, крутились очень приличные деньги – всяк зарабатывал как мог и где только мог. Для многих «горячие» командировки превратились в прибыльный, на чужой беде и крови, бизнес...

Отправляясь сюда, он почему?то думал, что все ему будут сочувствовать. Как дома. Ничего подобного! У него интересовались, зачем он здесь, бесстрастно выслушивали его историю и молча кивали. Потому что удивить здесь кого?нибудь подобными трагедиями было трудно. По Чечне, путаясь под ногами военных, шатается множество неприкаянных женщин и мужчин с ксерокопированными фотографиями разыскиваемых ими близких, исчезнувших еще в той, в первой, войне. Матери годами, переходя из части в часть, ищут пропавших без вести сыновей, сами попадают в руки боевиков, рано или поздно гибнут и перестают бродить. Но на их место приезжают другие. И каждый тащит с собой свое, которое кажется ему самым главным, горе...

Виктору очень быстро объяснили, что то, что случилось с ним, не исключение – не он первый и не ему быть последним. Что здесь действует целый конвейер работоторговли, поставляющий из южно?европейских регионов России, из Москвы и Поволжья «живой товар». В том числе под заказ. Что можно заказать себе крепкого, лет двадцати – двадцати пяти парня, а можно пятнадцатилетнюю, где?нибудь под метр семьдесят девушку, светловолосую, с голубыми глазами. Первого – для тяжелых работ. Вторую – для утех. Или последующей перепродажи где?нибудь в глубинке, где цены выше.

Покупатель и продавец били по рукам, и через пару дней в Ставрополье или Воронеже шустрые ребята кавказской или славянской внешности высматривали подходящий товар – того самого крепкого парня или голубоглазую девушку, которые знать не знали, что уже запроданы в рабство и себе не принадлежат.

Их выслеживали, подкарауливали где-нибудь в укромном месте и, пригрозив пистолетом или тукнув по темечку, грузили в переоборудованный для перевозки пленников «КамАЗ», где в кузове был сколочен из досок жилой отсек, со всех сторон обложенный каким-нибудь легальным грузом – шифером, стекловатой, картошкой... И ехал себе «КамАЗ», в котором в деревянном, три на четыре ящике томились двое, или трое, или больше рабов, под присмотром вооруженного охранника. Машину останавливали гаишники и военные на блокпостах, проверяли накладные, заглядывали в фуру, видели шифер, вату или картошку и пропускали машину дальше.

Между первой и второй войнами такие «КамАЗы» десятками курсировали между Чечней и Россией, а местные УВД были завалены заявлениями о пропаже родственников.

– Что ты!.. Знаешь в этом деле какие «бабки» крутятся?! – рассказывал очередной, подвозивший случайного попутчика водитель. – Сумасшедшие «бабки»! Банк попробуй на деньги развести – за банк все менты на уши встанут, каждую машину обшмонают, а человека увезти – тьфу, у нас их как грязи, и все без охраны. А теперь прикинь, сколько родственники за свое дите выложат, если, к примеру, им его пальчики в конверте прислать. Чуешь?

Ты вон туда, туда глянь...

И водитель показывал Виктору разоренный войной деревенский базар, где раньше по субботам-воскресеньям шла бойкая торговля людьми и можно было поискать, посмотреть, пощупать выставленный для продажи «товар». Поторговаться. Сбить цену. И купить. Как в Древнем Риме. А потом использовать приобретенного раба по своему усмотрению на поденных работах за одну только кормежку и страх наказания. Бить, как ленивую скотину, если кажется, что тот работает плохо. Или убить, если захотелось убить или тот заболел.

– У них здесь чуть не под каждым домом свой зиндан. Выроют яму поглубже, забетонируют, нары сколотят – вот тебе и маленькая тюрьма. Мы одну деревню

взяли, так там в каждом дворе по два-три раба было, в том числе у директора школы и бывшего парторга. Детишки друг перед другом хвастались, у кого рабы круче. Богатая деревня... Была...

И следующая тоже – была...

В окнах армейских «Уралов» и «КамАЗов» текли «киношные» пейзажи разоренных войной деревень, которые по «ящику» почти не показывали. Здесь все было совсем по-другому, чем в телевизионных репортажах. Бравые телевизионные вояки в реальной жизни оборачивались запущенными, грязными, вечно голодными солдатами-срочниками, которые боялись и ненавидели отцов-командиров почти так же, как бандитов. «Героические милиционеры» толкали налево изъятые накануне автоматы, чтобы на следующий день изъять их у тех, кому толкнули, для последующей перепродажи. Окончательно победившие войска «давили по газам», стремясь до ночи добраться до блокпостов, чтобы укрыться за их бетонными стенами, потому что ночью Чечня принадлежала не им, боевикам. Чеченские детишки, которые на экранах весело учили во вновь отстроенных школах русский язык и литературу, здесь, на дороге, грозили каждому проходящему грузовику кулаками, чиркая себя пальцем поперек горла и бросаясь вслед камнями и комьями грязи.

Все здесь было не так, все было иначе... Когда Виктор вышел на армейскую разведку, он уже не удивлялся тому, что они тоже мало напоминают своих телевизионных прототипов. Они не говорили патриотическими лозунгами и не рвались спасти попавших в беду чужих детей ценой собственной жизни. Они думали о том, как кормить своих.

– Сколько? – спросили они.

– Пятьдесят, – ответил Виктор.

Спецназовцы подумали. Прикинули.

– Не пойдет, – покачали головами они, – нам надо будет платить посредникам за информацию. И рисковать.

– Хорошо, какая ваша цена?

– С вас они запросили тысяч триста?четыреста, – прикинули разведчики, исходя из известных им расценок. – Половина будет – сто пятьдесят. Годится?

Сто пятьдесят было меньше, чем пятьсот.

– Я согласен.

– Тогда нам нужно знать все то, что знаете вы...

Это была сделка, но эти хотя бы не отказали – эти согласились ему помочь. Пусть даже так, пусть за деньги! Лучше так, чем никак. Чем – голова в посылке!

Возможно, кто-то думает по-другому, но у того, кто думает по-другому, дети находятся дома...

Глава 12

Палатки промокли насквозь, потому что третий день практически без перерыва шел дождь. Палатки были брезентовыми, растянутыми на деревянных кольях, в точности такими же, какие использовались войсками лет пятьдесят назад. А может быть, теми же самыми, одна тысяча девятьсот тридцать восьмого года пошива. Война выгребала арсеналы и склады, где хранились стратегические, на случай «третьей мировой», запасы. На «фронт» частенько завозили то старого кроя обмундирование, то лежалые сапоги, то снаряды для гаубиц с маркировкой сорок третьего года. Что никого уже не удивляло...

Брезент не держал воду, как его ни растягивай, и с «крыши» палатки капал дождь. Солдаты лежали на железных сборных койках, поверх одеял, накрывшись бушлатами, и «пухли» от безделья.

– Слышь, ты, военный, подбрось дровишек... В центре[1 - Печь ставят либо по центру, либо, если две, – симметрично на проходе. В углу – сгорит все к известной матери.], на кирпичях, стояла сделанная из двухсотлитровой бочки печка?буржуйка, от которой через всю палатку тянулась железным рукавом

труба. Печка горела сутки напролет и все равно не могла прогреть матерчатую, продуваемую со всех сторон палатку. Возле печки, там, где квартировали «старики», было еще ничего, а чуть дальше – как на улице.

– Ну ты че, не понял?! – возмутился «старик», ленясь даже пнуть борзого «духа». – А ну, шнуром за дровами!

Сашка Скоков не услышал просьбы «старика»?солдата потому что дремал, привалившись к спинке койки. Пришлось тому приподниматься, чтобы достать его кулаком в скулу.

– Одна нога здесь, другой уже нету!..

Сашка вскочил и выбежал на улицу. Под проливной дождь. По лицу хлестануло холодными струями. Поленица была сразу за палаткой и была прикрыта полиэтиленом и брезентом. Но дрова все равно промокли почти насквозь. Он уложил с десятков поленьев в сгиб левой руки и, обняв их правой, вернулся в палатку.

Поленья разгорались плохо. Пришлось плеснуть на них соляры...

В палатку, нагнув голову, вошел офицер в мокрой плащ?накидке.

– Валяетесь... – не выражая ни возмущения, ни осуждения, а просто констатируя факт, сказал он.

– Так точно, товарищ старший лейтенант, отдыхаем, – бойко ответил сержант?срочник, приподнимаясь на койке.

– Мне люди нужны. Там машина пришла, надо разгрузить.

– Сделаем, товарищ старший лейтенант, айн момент! – заверил сержант, преданно глядя на командира. – Палеев, Федоров, Скоков... А ну – рысью за лейтенантом!

Назначенные на работу солдаты потянулись из палатки. В дождь... Ноги разъезжались в раскисшем грунте, на сапоги налипали комки грязи, за шиворот

просачивалась вода. Хотелось есть, спать и домой...

Саша Скоков не сачковал от армии, как многие другие, он сам пришел в военкомат, предложив армии свои услуги. Так его воспитывали. Его отец был офицером и считал, что армия никому еще не вредила, а только помогала.

Но эта была уже не та армия, уже совсем другая армия...

– Брать оттуда, носить вон туда, – поставил боевую задачу лейтенант. И ушел в офицерскую палатку. Стремно ему было торчать здесь, под холодным дождем. Он бы вообще из палатки не выходил, если бы не был самым младшим среди офицеров.

Саша Скоков брал «оттуда» и тащил «туда». Работал он без энтузиазма, монотонно, словно через силу, нехотя ползая по раскисшей земле. В армии все так делается – через силу и через одно место. Потому что если с энтузиазмом, если спешить и справиться с работой раньше, то добьешься только того, что тебе «накатят» новую работу. А всю работу в армии все равно не переделать, даже если переделать... Если переделать, тебе все равно найдут занятие, заставив плац зубными щетками чистить или снег столовой ложкой убирать...

Когда они вернулись в палатку, «старики» все так же валялись на койках, под бушлатами. Все в тех же позах.

– Слышь, ты, ты где бродишь?! Не видишь, что ли, что печка прогорела, а ну шнуром!.. А ты давай за жрачкой в «столовую».

– Кто же мне ее даст? – мрачно спросил солдат.

– А это меня ни разу не колышет! – популярно объяснил ему «дед». – Укради и скажи, что нашел! «Деда» жрать хотят!..

Через неделю их рота попала в засаду. Справа и слева ударили ручные пулеметы и автоматы. «Урал» съехал на обочину и остановился, ткнувшись бампером в чудом сохранившийся бетонный столбик. Мертвый водитель рухнул головой на баранку, заливая свои колени и пол кровью.

- Полундра?а?а!.. - крикнул кто?то.

Пули отчаянно защелкали по бортам, пробивая их насквозь и пробивая насквозь тела сидящих с краю солдат. Толкая и топча друг друга, все устремились к выходу. Тех, кто прыгал, стреляли как куропаток - влет. Отброшенные пулями тела, меняя траекторию, бились о борт, падали уже неживыми на дорогу. Но кому?то все же повезло, кто?то успел упасть целым и откатиться под днище грузовика, за колесо. Пули с хлюпом впивались в резину покрышек.

Выставив автоматы, не глядя, куда, не понимая, в кого, они открыли огонь по подступившим к самой дороге кустам. Стреляли не для того, чтобы отбиться, просто так было легче.

- А... падлы, суки, гниды поганые!.. - страшно, сорванным голосом, матерился лежащий рядом с Сашкой сержант, потому что ему было страшно. Так же, как Сашке. Как всем. - Ты чего не стреляешь? Стреляй, гад!

Дотянулся, ударил Сашку кулаком по лицу, вышибая из него задумчивость. Сашка нажал на спусковой крючок. Автомат затрясся в его руках, отбив короткую очередь...

Сзади, чадя, разгорался шедший следом «Урал», возле него валялись трупы солдат. И рядом тоже валялись. Те, что несколько минут назад сидели рядом с ним. Живые. Теперь их неузнаваемые, искаженные предсмертным ужасом и болью лица смотрели в никуда, а от их тел, сливаясь друг с другом, расползались черные кровавые лужи.

Что стало с другими машинами колонны, прорвались они или нет, было совершенно не ясно. Что делать - тем более. Офицеров боевики выбили первыми. Здесь, под днищем, их было шестеро живых, один - раненый. Раненый был самый спокойный, потому что боль заглушала все остальные чувства, в том числе чувство страха. Он был как?то странно задумчив, потому что был уже не здесь, уже наполовину там. Живым было хуже, живые понимали, к чему все идет...

Очередь... Бросок автомата влево, снова - очередь!..

Площадной, заглушающий страх мат!..

И снова очередь, на этот раз вправо!..

И животный ужас, застывший в глазах. Потому что понятно, что никто им не поможет и что у них скоро кончатся патроны и сюда придут боевики. Но они оттягивали еще на минуту, на две, на три... этот неизбежный момент.

В кого?то, сочно чмокнув, ударила пуля. Кто?то ткнулся лицом в землю и затих. Теперь их было не шестеро, уже – пятеро, и еще там, сзади, под горящей машиной, тоже были еще живые, потому что оттуда кто?то огрызался автоматными очередями.

Но все равно это был конец.

Клацнув затвором, осекся первый автомат, отбросив последнюю пустую гильзу.

– Патроны?! У кого?нибудь есть еще патроны?

Патронов практически не было.

– Ну – все, «пушной зверек» нам! – сказал кто?то вслух то, о чем подумали все.

Сержант придвинулся вплотную к колесу, на мгновение выглянул и, вытянув вперед руку, стал шарить по дороге, пытаясь дотянуться до валяющегося возле машины чужого автомата. Простучала короткая пулеметная очередь. Пули, выбивая фонтанчики земли, пунктиром перерезали его руку. Сержант охнул и откинулся назад. Его рука повисла плетью.

– Эй, вы, там!.. Бросай оружие и вылезай! – крикнул из кустов гортанный, с характерным акцентом, голос. – А то гранату кинем!

От гранат колеса не защищали. Гранату можно было аккуратно закатить под днище машины, и тогда осколки, рикошета от металла и дороги, сметут их всех, словно железной метлой!

Солдаты прятали друг от друга глаза, думая об одном и том же. Смерть была и здесь, и там, но там на минуту или две позже...

– Считаем до трех!

Раз!..

По машине ударила длинная пулеметная очередь, пули звонко щелкали по колесам и бортам, вырывая куски металла. Это было предупреждение. Последнее...

Тот, кто лежал с краю, возможно, сам того не осознавая, подчиняясь инстинкту самосохранения, сдвинулся к заднему бамперу. За ним потянулись другие.

– Оставь автомат! – потребовал сержант, цепко хватаясь за ствол.

В автомате еще было два или три патрона, и Сашка отдал его сержанту. Тот перехватил оружие одной рукой. И, привалившись к колесу, стал ждать. Он, видно, на что-то решился. На что не смогли решиться другие.

Солдаты, испуганно оглядываясь по сторонам, втягивая в плечи головы и выставляя вперед руки с растопыренными в стороны пальцами, стали неловко выбираться из-под машины. Они жались друг к другу, выстраиваясь спинами вдоль заднего борта.

Кусты зашевелились, и из них стали выходить боевики. Они шли открыто, широко ставя ноги, о чем-то громко переговариваясь. Они не боялись, они были у себя дома. Они подошли совсем близко, когда вдруг, неожиданно для всех, из-под машины простучала коротенькая, в два патрона, очередь. Одна-единственная очередь!

Шедший первым боевик, споткнувшись и всплеснув руками, рухнул на землю, ломая своим телом кусты. И тут же разом застучали автоматы, вбивая под колесо пулю за пулей. Они ведь не знали, что в отстрелявшем последнюю очередь автомате патронов больше не осталось.

Еще живого, с перебитыми руками и ногами, с пулей в животе, сержанта выдернули из-под машины. Он был еще жив лишь потому, что его голову и грудь прикрыло колесо.

Сержант валялся в пыли и крови, тяжело дыша и глядя по сторонам обезумевшим взглядом. Вокруг него столпились боевики, но ему было все равно. Есть моменты, когда смерть уже не страшит, когда человека уже невозможно запугать и заставить пойти против себя.

– Падлы, козлы вонючие!.. – с трудом, но от души ругался сержант. И эти слова были далеко не самыми обидными из тех, что он знал и произнес.

Кто-то из боевиков пнул почти уже убитого сержанта по перебитой ноге, и он от боли потерял сознание. Но очнулся.

– Вы ишаки, и отцы ваши были ишаками, и дети будут... – прошептал он запекшимися губами, глядя снизу вверх на своих убийц. Ему уже можно было говорить все, что угодно, ему уже все было по барабану. И все.

– Кто хочет его прикончить? – спросили боевики, обращаясь к солдатам?срочникам. – Кто его убьет, того мы не тронем.

Солдаты молча пялились себе под ноги. Еще совсем недавно они убили бы его с превеликим удовольствием. Тогда, когда он гонял их под дождем за дровами и в столовку за продуктами, когда измывался и бил кулаком по лицу... Они бы его!.. Теперь возможность представилась!

– Ты? – спросил он крайнего.

Но тот, не поднимая глаз, испуганно затряс головой.

– Ты?..

– Ты?..

Больно ткнул пальцем в грудь Сашке:

– Ты!..

Сашка не знал, как это получилось, как вышло так, что он сделал шаг вперед. Наверное, сидящие в нас инстинкты сильнее нас. Он сделал шаг, и ему сунули в

руку пистолет, уперев в затылок дуло автомата.

Он стоял над истекающим кровью сержантом, уставя в него ствол.

– Я знал... я знал, что ты гнида! – сказал, болезненно кривясь, сержант. – Надо было тебя еще тогда урыть!

– Давай, стреляй, стреляй! – торопили его боевики, подталкивая в спину.

Но он не чувствовал толчков, он чувствовал лишь жесткий ствол автомата, который сверлил его затылок. И который мог в любую секунду выстрелить. Который обязательно выстрелит, если не выстрелит он! И все, и его не станет!..

Он выстрелил.

Он выстрелил, чтобы не выстрелили в него!

Пуля ударила сержанту в голову, точнехонько в лоб, что вызвало бурную реакцию и одобрение боевиков.

Он был – молодец!..

Сашка стоял над мертвым телом, словно его паралич разбил. В руке сочился дымом пистолет. Вроде бы ничего не произошло, он всего лишь нажал на спусковой крючок, а все так круто переменилось! Да – он выстрелил, но не по своей воле, по необходимости, а сержант хоть так – хоть так был не жилец, был обречен, потому что получил пулю в живот и умирал.

Только кого это волнует?.. Даже если ты выстрелил за мгновенье до чужой смерти, за одно вот такусенькое, коротенькое мгновенье, то все равно ты убил. И значит, ты – убийца. Бандит. Боевик.

Враг...

Одно короткое как чих нажатие пальца на спуск перечеркнуло жирной чертой всю его прошлую жизнь. Крест?накрест! Он только что был там, по ту сторону баррикады, и вдруг стал по другую. Стал ближе к этим, чем к тем. Его бывшие

сослуживцы ничего не сказали ему и даже не взглянули на него, но он почувствовал, что стал им чужим. А этим... этим тоже не своим, но уже и не посторонним.

Боевики заставили их собрать оружие и боеприпасы и уничтожить то, что нельзя было унести. После чего они тронулись в путь, сойдя с дороги в том месте, где ее пересекал ручей, чтобы не оставить следов. Со своими бывшими сослуживцами Сашка шел в разных концах колонны и нес разную ношу. Они – труп боевика и раненого, он – боеприпасы. Их убили не сразу, их убивали по мере того, как они выдыхались. Последнего – через две недели.

Его – не убили. Его – оставили в живых. Не за красивые глаза – за выстрел.

Они не убили его, потому что он был нужен им. Им нужны были носильщики, слуги, «саперы», первыми ступающие на минное поле... И, по большому счету, нужны были «братья», не похожие на них, с не бросающейся россиянам в глаза славянской внешностью. Свои, похожие на чужих. Похожие на врагов...

Свои – среди чужих!

Глава 13

Спецназовцы взялись за дело рьяно. Так как они умели, когда хотели. Сейчас – хотели, потому что получили хороший стимул.

Они взяли за жабры кое-кого из местных, из тех, что, оказав единовременную помощь федералам, «сели на крючок» и теперь вынуждены были продолжать сотрудничество, чтобы их не сдали «своим». Без таких людей разведка, в том числе военная, работать не может.

Одних они подловили на каком-нибудь преступлении и предложили альтернативу – зона или согласие на помощь, других «подцепили» на кровной мести. Это когда кто-нибудь хочет отыскать сбежавшего от него несколько лет назад «кровника», который убил его брата или отца, после чего скрылся в

неизвестном направлении. Раньше «кровники» не бегали, боясь прослыть трусами, но теперь времена изменились. Теперь – случилось...

Кровная месть была древним, со своими законами и ритуалами, обычаем. Иногда никто уже не помнил, с чего началась многолетняя кровавая междоусобица – то ли прапрадед одного из «оскорбленных» случайно застрелил прапрадеда другого на охоте, то ли не случайно, то ли не прапрадеда, то ли не он застрелил, а его застрелили... Подробности того давнего происшествия сокрыло время. А обиды остались. И во все последующие десятилетия мужские ветви двух родов отчаянно рубили друг друга, стараясь обстругать чужое генеалогическое древо в столб. Перерывы, конечно, случались, но недолгие – когда у одной из враждующих сторон заканчивались все способные ответить за нанесенное оскорбление мужчины, и другой стороне приходилось терпеливо ждать несколько лет, чтобы у них подросли мальчики. Мальчики подрастали, и их убивали. Или мальчики убивали, если успевали убить первыми.

Женщины тоже участвовали в этих «разборках», но иначе, чем мужчины, – они рожали мстителей. Чем больше – тем лучше, потому что тот, в чьей семье родилось больше мальчиков, получал численное преимущество, которое тут же пытался реализовать.

Иногда кровные разборки стихали на год, десять или даже двадцать лет, например, когда враждующим сторонам приходилось объединяться против внешней угрозы или когда в дело вмешивалась власть или старейшины. Но потом, из-за какого-нибудь пустяка, из-за случайно сказанного слова, вражда вспыхивала вновь, множа жертвы.

Даже при советской власти, когда чеченцев обязали ходить в детские сады, школы и на политинформации и жить не по шариату, а Уставу ВЛКСМ и Коммунистической партии, даже и тогда месть имела место. В скрытых, но от того не менее кровавых формах. Просто случилось, что «кровника» задрал на охоте медведь или убивали случайные бандиты. А местные милиционеры, которые все прекрасно понимали и были осведомлены, кто, кого и за что «задрал», составляли соответствующие протоколы, искажая милицейскую отчетность.

Когда огласки избежать не удавалось, трупы проводили по «бытовым» статьям – «хулиганка» и «тяжкие телесные, повлекшие смерть потерпевшего». Хотя это было чистой воды «умышленное, с отягчающими», в виде «отдельных

пережитков прошлого». Но статьи «кровная месть» в Уголовном кодексе СССР не было, и судьи, тоже чеченцы, понимая, что убийца убил не по своей охоте, а по воле предков, приговаривали его по самому нижнему пределу, иногда умудряясь назначить условное наказание. Чеченцы своих не сдавали. Даже если это были «чужие», даже если судья был из одного рода, а подсудимый из враждебного ему другого. Все равно тот получал минимум! Судебную систему они в свои дела не впутывали, предпочитая выяснять отношения не с помощью УК, а ружей и кинжалов. Точно так же, как их предки.

Конечно, партия с этим боролась, собирая расширенные партактивы и конференции, где инструкторы и секретари райкомов и горкомов растолковывали коммунистам всю порочность изживших себя первобытных обычаев в стране почти уже победившего социализма. Коммунисты слушали, хлопали в ладоши, поддерживая докладчика в прениях, осуждали пережитки прошлого, изображая примирения, жали друг другу руки, но оружие из погребов и огородов не выкапывали и в милицию не сдавали, оставляя его до лучших времен. Да и сами докладчики и даже секретари райкомов, случалось, втыкали в «горячие сердца» таких же, как они, членов партии, антикварные кинжалы прапрадедов или сносили им головы из дедушкиных, сохранившихся с Гражданской войны обрезов. Потому что вес мужчины в Чечне определялся не должностями и партстажем, а тем, способен ли он смыть нанесенное ему оскорбление. Которое смывается кровью. Это только у русских любую, даже самую страшную, обиду можно смыть совместно распитым спиртным. Так что будь ты хоть секретарь парторганизации, хоть даже начальник милиции, а долго увилывать от мести не можешь – здороваться с тобой перестанут, собственная мать на тебя косо смотреть будет, дети трусом посчитают! Так что, хочешь не хочешь, придется выкапывать прадедушкин кинжал или дедушкин обрез и...

А может, и правильно, может, в этом что-то и есть, потому что, имея дело с чеченцем, сто раз подумаешь, прежде чем что-нибудь обидное ляпнуть или гадкое сделать. Ведь они не утрутся и не забудут. Совместно распитой водкой это дело не зальют. И деньгами взять не согласятся. Только – кровью. Кровью обидчика!..

На этом и играли спецназовцы – на жажде мести. Только как отомстить тому, кого не знаешь, где искать? А они могли подсказать, где, могли поспособствовать, «пробив» адресок по милицейской картотеке. Вот он, твой обидчик, на этой бумажке – надо только ее взять, прочитать, поехать и

зарезать...

Хочешь адресок?

Конечно, хочешь! Не можешь не хотеть – ты же мужчина, джигит!..

На адресок. Только не бесплатно, потому что взамен надо дать другой, известный тебе, адресок. Или оказать какую-нибудь мелкую, которая впоследствии превратится в крупные проблемы, услугу. Потому что время такое, что ничего не бывает бесплатно.

Согласен? Ну... Согласен?!

Соглашались не все. Многие не соглашались. Но некоторые говорили – да. И попадали в разработку.

Им давали адресок и даже давали советы, как лучше вести себя в большом городе. «Кровник» ехал, подкарауливал жертву и убивал ее. И даже не попадался, потому что тут же возвращался в Чечню, дотянуться до которой у милиции были руки коротки. При разработке особо перспективных кандидатур разведчики через свое командование выходили на милицейское руководство, которое приказывало своим работникам дать мстителю «зеленую дорогу». На всех «светофорах» врубались зеленые огни, и мститель без сучка без задоринки, как по ковровой дорожке, прибывал в пункт назначения, считая, что ему крупно повезло. А ему не повезло – о нем позаботились. Он делал свое, под присмотром милиции, дело и так же гладко, как приехал, убывал на родину.

Он возвращался в свою деревню отмщенным и героем. И сексотом – секретным агентом. Потому что очень скоро ему растолковывали, во что он вляпался. Не искушенные в многосложных интригах, горячие и простодушные чеченцы легко попадались в сети, расставленные разведчиками.

– Ты понимаешь, что с тобой сделают, если все узнают, как мы использовали предоставленную тобой информацию?

А использовали нехорошо – плохо использовали, подло. Специально плохо и подло, чтобы подловить «кровника».

– Соображаешь, что тебе будет?

Вербуемый агент понимал – хреново будет. Кровная месть будет! И начинал яриться и насакивать на обидчиков. Но его быстро успокаивали.

– Ты пойми, – говорили ему, – мы не виноваты, нас тоже подставили. Менты подставили, а мы – никому ни одного слова. Мы – могила! И вообще тебя никак кантовать не будем, кроме самых крайних, от которых не сможем отбиться, случаев.

В общем, можешь жить, можешь даже стрелять наших бедных солдатиков, можешь быть боевиком и героем – валяй! Только информацию давай. И «наших», по возможности, не трожь – спецназовцев...

И отпускали сексота с богом. И даже денег давали. Под роспись.

А через некоторое время находили. И просили дать какую-нибудь вторичную информацию. Которая никого не задевала. И которую, как правило, получали. За хорошие деньги, чтобы стимулировать агента на дальнейшее сотрудничество.

Так, постепенно и незаметно для себя, сексот все более и более привыкал к новому положению, извлекая из него свои маленькие выгоды. И смирялся с ним.

Что и требовалось его новым хозяевам, заполучившим очередной, хорошо информированный, разбирающийся в местных условиях «источник». К которому они обращались при планировании очередных боевых операций.

И с личными просьбами тоже.

Как теперь...

– Нужно помочь, нужно найти одного человечка.

И разведчики врубили видеозапись. Ту, где была похищенная девочка. И был один из ее похитителей.

- ...шутить не любим, - кричал, заводя сам себя, чеченец на экране. - Ты просил неделю - мы дали неделю. Ты просил еще - мы согласились. Слушай, сколько можно тянуть! Ты что - не любишь свою дочь?..

- Знаешь его? Из какого он тейпа? Чечня - территория маленькая, живут в ней тесно, и потому все друг друга знают. По крайней мере могут знать. Ну или хотя бы раньше где-нибудь случайно встречались.

- Что скажешь?

- Нет, я его не видел. Ни разу.

- А если так?

И спецназовцы выложили свой главный аргумент - выложили на стол доллары.

- Может, это тебе память освежит. Сексот жадно смотрел на деньги, потому что для него это были немаленькие деньги - большие деньги. Разоренная Чечня жила бедно, но на доллары можно было купить все.

- Я попробую узнать!

- Попробуй, только поторопись, а то "бабкин уйдут.

С этим не вышло...

С этим не вышло - с другим выйдет. Давай следующего!..

Со следующим встречались в районной администрации, где за спецназовцами была закреплена своя комнатка, куда они вызывали сексотов под каким-нибудь благовидным предлогом.

- Узнаешь?

Сексот внимательно просмотрел видеозапись. И просмотрел еще раз.

- Я не уверен, но, кажется, это Шарип...

Значит - Шарип... Вот и замечательно! Кто-то должен был его узнать. Мир и вообще-то тесен, а чеченский мир тем более.

- Где он сейчас может быть?

Сексот виновато развел руками. Раньше он мог сказать, где искать Шарипа, но не теперь, когда война всех разбросала и перемешала, как в гигантском миксере.

- Из какого он тейпа?..

Зная тейп, найти нужного человека было легче. Свои обычно про своих знают больше, чем чужие. Правда, просто так на него не укажут. И за деньги тоже не укажут.

- Ладно, иди...

Соваться к родственникам Шарипа сразу было бессмысленно - и так было понятно, что они будут молчать, изображая глухонемых. Но можно попытаться потрясти соседей, желательнее из тех, что с ними враждуют. Потому что без врагов люди не живут, враги, если хорошенько поискать, находятся у всех и всегда.

Спецназовцы навели необходимые справки, очертив круг наиболее перспективных информаторов.

- Ну что, наведаемся к ним в гости?.. Гостями они были непрошеными и поэтому забились под покровом ночи, изображая типовую зачистку. Для чего подняли по тревоге и посадили на «Уралы» два взвода срочников, отправив их шерстить «населенку». Всю, а не только тот, который их интересовал, двор.

- Выезжайте через полтора часа после нас, - поставили они боевую задачу командирам. - Начнете работать в два двадцать пять, по дворам с северной окраины. Особо можете не стесняться, будет шум - пусть будет. Чем больше - тем лучше. Задача ясна?

– Так точно...

Больше им ничего не объясняли, а они не спрашивали. В армии говорят ровно столько, сколько тебе положено знать в рамках выполняемой тобой задачи. Сказано выехать через полтора часа – значит, выезжай ровно через полтора часа. Приказано быть на месте в два двадцать пять – будь добр быть в два двадцать пять – ни раньше, ни позже!..

Разведчики убыли загодя, потому что у них задача была своя.

На подъездах к поселку заглушили двигатель и загнали машину в кусты, оставив одного часового. Дальше пошли пешком порядком, надвинув на глаза приборы ночного видения, изготовив к бою оружие. Шли ходко, почти бегом, чтобы успеть. Обогнув деревню и пройдя по огородам, залегли цепью возле нужных домов. Ближе к заборам не подбирались, чтобы их не учуяли собаки.

На часах было два часа десять минут.

Очень скоро в темноте ночи взблеснули фары. Это на далекий пригорок взобралась первая, резанувшая по горизонту дальним светом, машина следующей по дороге колонны. Их колонны. В два двадцать пять колонна втянулась в «населенку».

В крайних домах залаяли потревоженные собаки, где-то в окнах метнулся свет. Деревня просыпалась, но просыпалась недостаточно быстро.

И вдруг тишину ночи пререзала дробь короткой автоматной очереди! И пронзительный, на всю округу, визг собаки.

Молодцы командиры, работают строго по инструкции, обеспечивая заказанный им шум. Теперь даже те, кто еще спал, должны были проснуться и сообразить, что происходит. И должны были испугаться. Так что ждать осталось недолго.

Ну вот!..

Где-то слева, еле слышно, скрипнули петли, и кто-то, невидимый в темноте, крадучись побежал прочь от домов. Скорее всего, отдохавший в кругу семьи

боевик.

Взять его было пара пустяков, но разведчики не шелохнулись. Не для того они здесь залегли. Не для него! Их время еще не пришло.

Разведчики лежали, прижимаясь к земле и сливаясь с землей.

Справа тоже кто-то ломанулся через огороды. Причем не в одиночку, а сразу целой толпой. В приборах ночного видения были хорошо видны несколько пригнувшихся к земле, бегущих к лесу, с автоматами наперевес фигур.

У них что сегодня – коллективная побывка? Или день открытых дверей?

Но даже эта группа не вывела разведчиков из равновесия. Черт с ними – пусть уходят! Сегодня – пусть...

Зачистка валом криков и собачьим лаем катилась по населенному пункту, расплескиваясь вдоль улиц.

А вот теперь внимание!..

Со стороны «их» дома послышался какой-то неясный шум. Кто-то выскользнул на крыльцо, протопал по двору и выскочил через заднюю калитку.

Вон он, голубчик.

Одинокая фигура, что-то поправляя на ходу, пробиралась через огород. Ну давай – иди, иди...

Боевик сам вышел на бойцов. Он чуть не наступил на них, так их и не заметив. Ему дали пройти мимо и, бесшумно привстав, прыгнули на него сзади, сбивая с ног, опрокидывая, прижимая к земле и затыкая жесткой ладонью рот. Он даже пикнуть не успел!

Пленного боевика подхватили на руки и бегом потащили обратно, туда, откуда он только что вышел. На этот раз собака, почуяв чужих, зашлась отчаянным лаем. Из дома выскочили женщины. Они увидели какие-то неясные

тени во дворе, все сразу поняли и заголосили.

- А ну - цыц! - гаркнули спецназовцы, внося тело в дом.

Гости были в черных, надвинутых до подбородков шапочках, с прорезями для глаз, так что рассмотреть их лица было невозможно. Но кто они такие, было понятно и так. Всем все было понятно!

- Дайте стул! - потребовали они.

Выдвинули стул на середину комнаты, бросили на него пленника, завернув и застегнув ему руки за спинкой наручниками.

- Влип ты, парень, - предупредили они, обшаривая его и выворачивая ему карманы. В карманах почти ничего не было - как видно, он сильно торопился или собирался скоро вернуться и поэтому ушел налегке.

Но был автомат, граната «РГД» и кое-что еще, о чем пленник еще не догадывался.

- Откуда ствол? - спросили спецназовцы, осматривая и обнюхивая автомат.

Автомат был ухожен и смазан, но гарью из дула не тянуло, значит, из него не стреляли. По крайней мере, в последние дни.

- Откуда он?! - требовательно повторили бойцы в масках, размахивая автоматом.

- Нашел, - дал типовой ответ пленник, злобно озираясь по сторонам. Ну?ну...

- А этот? - бухнули спецназовцы на стол пистолет Макарова. - Его ты, естественно, тоже нашел?

- Это не мой пистолет, - мрачно ответил пленник.

– Да ты что? Да неужели? – притворно удивились бойцы. – Что же он, наш, что ли?

– Ваш! Это вы мне его подбросили!..

На этот раз он не врал. На этот раз он говорил правду! Пистолет был действительно не его, пистолет был спецназовцев. Они принесли с собой. Но это не имело ровно никакого значения.

– Оп?пачки! – обрадованно воскликнул один из бойцов, осматривая оружие и сличая номер. – А ствол?то паленый!.. Тот самый ствол!

Пленник напрягся.

– Выходит, это ты? – с напором спросил спецназовец, тыкая ему в лицо пистолетом.

Пленник недоуменно вертел головой. Он понимал, что его загоняют в какую-то ловушку, но не понимал, в какую. И не понимал, откуда и для чего взялся этот пистолет.

– Ты знаешь, что было вчера в Самашках?

Еще бы ему не знать! В Чечне слухи распространяются со скоростью звука, если не быстрее заменяя новостные теле- и радиопередачи. В Самашках накануне вечером убили одного весьма уважаемого и известного во всем районе человека. Родственники которого поклялись отомстить обидчикам.

– А ты знаешь, из чего его убили? Вот из этого самого ствола, который мы только что у тебя изъяли! – опять ткнули они в лицо пленника злополучный пистолет.

Теперь все стало понятно! Пленник беспокойно заерзал на стуле. Люди в масках подставляли его под убийство важного, с многочисленными по мужской линии родственниками человека. Что было чревато...

– Я никого не убивал, вы врете!.. – злобно кричал он, дергаясь на стуле. – Это не мой, я его никогда в руках не держал!

А вот это плохо... Но поправимо.

Спецназовец, державший пистолет, вытащил носовой платок, тщательно обтер его со всех сторон и, зайдя со спины, сунул в руку пленника, обжав рукоять его пальцами. После чего сунул в полиэтиленовый пакет.

– А ты говоришь, в руках не держал, – усмехнулся он. – Откуда же тогда на нем твои пальчики.

– Ты что думал – мы тебя не найдем или что не сможем доказать, что это ты? – заорал другой спецназовец, беря пленника на испуг. – Вот пистолет с твоими отпечатками пальцев, там, – кивнул он куда-то в сторону окна, – найденные на месте пустые гильзы. Экспертиза покажет, что они были выпущены отсюда, – потряс в воздухе пистолетом, – и что этот ствол держал ты!..

Ловушка захлопнулась.

– Ну что, поехали в милицию сдаваться? – уже совершенно другим, спокойным, тоном спросил спецназовец. – Или будем договариваться?..

– Сколько вы хотите? – тихо спросил пленник.

– Нисколько не хотим, – покачали головами бойцы в масках. – Нам не нужны твои «бабки». Нам нужен Шарип.

– Я не знаю, где Шарип! – хрипло сказал пленник.

Его схватили за грудки, как следует встряхнули, заорали прямо в лицо:

– Ты что думаешь, мы с тобой чикаться здесь будем? Мы тебя сейчас пристрелим при попытке к бегству, а пистолет к делу приобщим. И свидетелей найдем – даже не сомневайся! И все будут считать, что это ты убил. Только тебя уже не будет, ты будешь – там, и им придется мстить твоим сыновьям. Сколько их у тебя – трое? Пока... Старшему девять лет? Ну, значит, они дождутся, пока они подрастут! И всех их зарежут. Из-за какого-то вонючего Шарипа...

Ну, говори... Говори, где он! Тебе не его, тебе сыновей спасать надо!

- Я не знаю! - в отчаянии закричал пленник, которому не давали передышки, не давали сосредоточиться и подумать.

- А кто знает? Кто? Кто?!

Пленник колебался, но не долго - несколько секунд. Спецназовцы очень удачно разыграли эту карту, сыграв на внутренних конфликтах двух родов.

- Сулейман знает... Значит - Сулейман.

- Где мы можем его найти?.. Ну?! Он сказал где. Потому что до того назвал имя. Если люди развязывают языки, то уже не завязывают, уже выкладывают все, что знают. Есть такая, не раз проверенная спецназом, «народная» примета.

Они узнали все, что хотели. И больше, чем рассчитывали.

- Черт его знает - может, это действительно не твой ствол, - засомневались спецназовцы, тщательно обтирая рукоять и кожух пистолета платком. - И не твои отпечатки пальцев. Может, мы и ошиблись. С кем не бывает...

Глава 14

В эти последний день и последнюю ночь им пришлось очень туго. Потому что им на хвост сел спецназ. Вернее, не сел - вцепился мертвой хваткой.

На переходе, на одном из перевалов, они попали в устроенную федералами засаду. Двоих положили сразу, на месте, остальных попытались зажать с флангов, охватив кольцом, чтобы уничтожить или захватить в плен. Они не сразу, но сообразили, что если лежать и просто отстреливаться, очень скоро им перекроют все отходы, заткнув тыл ушедшей в обход огневой группой. Такой у врага был расчет - прижать их к земле плотным пулеметным огнем, не давая

высунуться и втягивая в затяжную перестрелку, продержаться на месте, дав возможность развернуться основным силам и добить ударом с флангов и тыла.

Им не оставалось ничего другого, как пойти на прорыв. Но совсем не туда, куда рассчитывал противник. Они пошли вперед, на пулеметы, дав залп из подствольников и забросав кусты гранатами. Они рассчитывали на то, что там, впереди, солдат будет меньше, чем с флангов и сзади. И у них не будет маневра. Они не ошиблись...

Одна за другой взрывающиеся гранаты поднимали вверх фонтаны земли, травы и лесного мусора, рубили осколками ветки, листву и подрубали целые, обрушившиеся вниз деревья, которые на несколько секунд «ослепили» пулеметчиков, лишив их обзора. До того, как «дымовая завеса» успела осесть, они, отчаянно рванувшись вперед, успели сократить расстояние до противника, сблизившись с ним на несколько десятков метров. Когда пулеметы замолотили снова, они их уже видели и открыли ответный огонь из всех стволов, быстро подавив огневые точки.

Путь был свободен! Они прорвались сквозь редкие автоматные очереди и ушли вверх по склону, сбросив все тяжелые вещи. Бросив все, кроме оружия и боеприпасов!

Они ушли, но оторваться не смогли, как ни старались. Погоня шла по пятам! Тогда они и поняли, что за ними идут не какие-нибудь срочники а идет спецназ! Опытные следопыты считывали их путь, замечая примятую траву, сбитые листья и сломанные ветки. И никакие водоемы или скалы где можно было бы оборвать следы, как назло, на пути не встречались. А когда встретились – было уже поздно, потому что над ними закружили вызванные погоней «вертушки», которые отслеживали открытые участки местности. Им не оставалось ничего другого, как идти под прикрытием леса, потому что в чистом поле, на скалах или в реке их, легко обнаружив, тут же накрыли бы сверху ракетным залпом и добились из крупнокалиберных пулеметов.

Они понимали, что идут в навязываемом им чужой волей направлении, что их гонят по лесу, отрубая все другие пути отступления, и что где-то там, впереди, их ждет засада. Вернее, много засад – цепочка засад! Но другого пути у них все равно не было. Их обкладывали со всех сторон, как стаю волков.

Их могла спасти только скорость, только если они успеют проскочить до того, как подвезут подкрепление и поставят огневые точки. До того, как ловушка захлопнется.

Быстрее...

Быстрее!..

Дыхалки уже не хватало, они все чаще сбивались с бега на шаг, а до ночи, до темноты было еще очень и очень далеко.

Короткая остановка!.. Все, кто где стоял, рухнули на траву. Они здесь, боевое охранение – там, в двухстах метрах ниже и выше их. Погони не слышно, только где-то совсем близко, буквально над головой, рубя лопастями воздух, прошел вертолет. Но его хоть слышно, а тех, кто идет сзади, – нет. Те идут бесшумно.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Печь ставят либо по центру, либо, если две, – симметрично на проходе. В углу – сгорит все к известной матери.

Купить: https://tellnovel.com/ru/il-in_andrey/tret-ya-terroristicheskaya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)